

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Вовка-зелёная фуражка

Издательство "Детская литература"

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Вовка- зелёная фуражка

Повесть

Рисунки Е. Ванюкова

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1967**

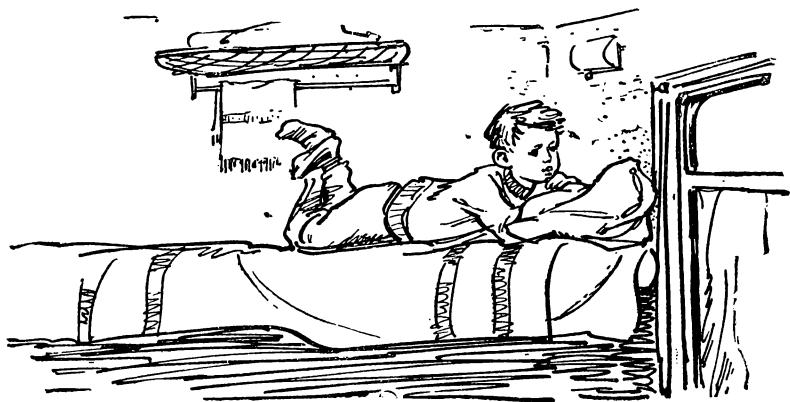
ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В этой книжке я рассказал о приключениях «рядового» Вовки Ключева на пограничной заставе, где командиром его отец и всего два человека детей.

Ох, как пугал Вовку его армавирский дружок Сенька-тюбетейка, когда Вовку увозили родители на заполярную заставу. И темнотой кромешной пугал, и лютым холодом, и белыми медведями... Однако всё получилось иначе: и подружка у Вовки появилась в Заполярье, и пограничники приняли его как своего брата-солдата, и дела у него нашлись интереснейшие. Вовка узнал, почему не ловятся шпионы, что такое круглый, полукруглый и четвертькруглый день, какое оно — северное сияние...

Нет, совсем не таким страшным оказался Север, каким рисовал его Сенька-тюбетейка!

Автор

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ

Лёжа вниз животом на второй полке, положив подбородок на смятую подушку, глядя с тревогой и любопытством на всё, что проносилось за вагонным окном, Вовка ехал в своё будущее...

До будущего было уже рукой подать: папа сказал, что часов в девять утра они приедут в Кандалакшу, что ехать осталось совсем немного, всего одну ночь. Только почему-то ночь всё не наступала, хотя папа с мамой уже улеглись «насовсем», улёгся и сосед в полосатой куртке и таких же полосатых штанах. Он тоже долго смотрел в окно, лёжа на другой, второй, полке, а потом неожиданно заснул. Расспрашивал, расспрашивал Вовку про белых полярных медведей, смеялся, смеялся и вдруг легонько захрапел. Вовка даже обиделся: только он стал рассказы-

вать о том, как белые медведи подстерегают в крошечной темноте всех, кто попадает на Север, а сосед взял да и захрапел...

...А прошлое осталось позади.

Оно осталось на перроне Армавирского вокзала вместе с дедушкой Макарычем, тётей Валею, Колей и Таней, которые были не простыми Колей и Таней, а двоюродными.

В прошлом был теперь и родной Вовкин город. Он начинался сразу же за здоровенным новым зданием вокзала, со всеми его длиннющими улицами, бульварами, площадями, новыми и старыми домами, магазинами и базарами. Вовка очень любил ходить с тётей Валею по магазинам, а особенно по базарам. Маленький Сенной базар был почти рядом с домом, на своей же улице, но Вовка больше любил ходить на привоз, хоть он и был чуть ли не на краю света, за центром города, за парком. На привозе всегда былолюдно и шумно. На этот базар съезжались колхозники со всех окрестных и даже из дальних станиц, съезжались на подводах, запряжённых медлительными круторогими быками или лошадьми разных мастей — от гнедых и вороных до пёстрых «цыганских». Но чаще колхозники привозили свой товар на машинах. Тут были и тракторы с прицепами, и грузовики всех марок, и легковушки, были мотоциклы с колясками, а то и просто велосипеды с корзинами на багажнике.

Какой только снеди и живности не предлагали тебе с подвод и кузовов машин! Яблоки, груши, капуста, огурцы, помидоры красные до черноты, сливы синие до красноты, лакированные баклажаны, тыквы в два обхвата, дыни с таким запахом, что других запахов уже и не унюхаешь, полосатые арбузы, тяжёлые, что ведра с водой.

Фрукты и овощи лежали тихо, зазывая покупателей яркостью своей да ароматом. Только лишь арбу-

зы стонали и трещали, когда дотошные покупатели тискали их, стараясь определить — спелые они или не спелые.

— Чего вы, дамочка, его тискаете, как дитё любимое после разлуки? — выкрикивал дядька в кубанке на стриженной макушке. — Да вы ему только ножик покажите, и он сам треснет по всем швам! А то дыньку купите, «колхозницу». Она такая сладкая, что ей вместо сахара можно пользоваться к чаю...

А вот живность сама себя предлагала, сама себя нахваливала.

Гуси на смех тебя поднимали, если ты мимо проходил.

«Го...го...го...» — гоготали гусаки.

«Чщщчто? Кошелёк тощий... Дешёвку ищешь?..» — шипели гусыни.

«Зря! Зря! Зря не покупаете...» — крикали вслед Вовке и тёте Вале утки.

А куры спрашивали недоуменно:

«Кут-куда же вы? Кут-куда?»

«Купиииите! Купиииите!» — вопили на весь привоз поросята.

...В прошлом остался привоз.

В прошлом осталась и зелёная улица Ефремова, по которой если пойти налево из калитки дома, то можно попасть на Кубань и Армавирское море. Туда Вовка ходил с двоюродными Колей и Таней купаться и ловить усачков и сазанчиков. А если пойти из калитки направо, то за Сенным базаром можно было перейти по новому виадуку над железной дорогой в другую часть города — Туапсинку — со станцией Армавир-2. По этой вот железной дороге, что пересекала улицу Ефремова, и уехал Вовка в своё будущее, на далёкий Север, в Заполярье...

Перед тем как выкатить за ворота возик — двухколёсную тачку на рессорах, нагруженную чемоданами и узлами, — дедушка Макарыч сказал:

— Присядем на дорожку...

Все уселись под тутовником кто на чём попажю и молча просидели целую минуту. Потом все сразу поднялись и двинулись на улицу. Здесь у Вовки было ещё одно прощание, прощание с закадычным дружкой Сенькой-тюбетейкой.

...Теперь Сенька был уже в прошлом.

При одном воспоминании о нём Вовка тяжело вздохнул. Ведь Сенька при прощании у калитки, не стесняясь девчонок, разревелся, лишь только мать сказала ему:

— Ну, сынок, помаши своему дружку ручкой. Кто знает — увидитесь ли когда-нибудь снова?

Только для Сеньки разлука с другом была так тяжела, что он ни слёз не мог унять, ни ручкой помахать...

Когда за Вовкой приехал папа, чтобы забрать его вместе с мамой и увезти к «новому месту прохождения службы», на границу в Заполярье, Сенька давай доказывать, что Вовке следует проявить самостоятельность и никуда из Армавира не уезжать.

— Ты думаешь, там мёд? Да? Как же, держи карман шире!.. Ты знаешь, какая там холодюга? Все замерзают... Даже кино про это показывали. Идут, идут люди по снегу, трясутся, трясутся и замерзают. Тебе охота замёрзнуть?

Холода Вовка не любил, замерзать ему не хотелось, и он честно в этом сознался:

— Неохота...

— Вот! А едешь... Скажи отцу, что остаёшься у дедушки, и весь разговор!

— А мама?

— Что — мама? Мама тоже пусть не едет... Хочется твоему отцу ловить шпионов — пусть едет, а детей и жениинов не полагается морозить! Ты видал когда-нибудь, чтобы жениинов и детей на льдины высаживали?

Таких случаев Вовка никак вспомнить не мог. А Сенька продолжал:

— И темнота там всё время... Уж про это я всё знаю. Возьми вот и закрой глаза надолго-надолго и походи с закрытыми глазами, тогда узнаешь, какая там на Севере житуха...

Вовка пробовал ходить по двору с закрытыми глазами, вытянув вперёд руки. Было интересно и страшновато. А Сенька ещё подбавлял:

— Ты вот ничегошеньки не видишь, а тамошние белые медведи к темноте привычны с малства — всё видят. И ты идёшь, значит, вот так, как слепец, а медведь станет у тебя на дороге да как трахнет тебя лапой мохнатущей, и ты... будь здоров! Не кашляй! С полярным приветом...

Сенька обрабатывал Вовку каждый божий день. И день ото дня нагонял всё больше страху. Взяла как-то Вовку обида за отцовский Север.

— А папа говорит, что на Севере хорошо... Он там был. А ты не был, ты, наверно, не знаешь, как там...

Но Сенька не сдался:

— Ну и что же, что не был? И не поеду никогда. Что я, маленький? Не был, а знаю. По книжкам и по кино знаю... Нюрка наша читала про Север и рассказывала мне своими словами. Она уже в четвёртом учится. Хочешь, я тебе покажу ту книжку?

Сенька сбегал домой и притащил толстую книжку с картинками. На картинках были корабли, обросшие сосульками, и засыпанные снегом люди в меховых одеждах, ледяные горы, белые медведи у полыньи и ещё какие-то страшные чёрные звери с клыками. На одной картинке была нарисована упряжка лохматых собак. На санях человек в мохнатой одежде с длинным шестом в руках. А на другой картинке такие же сани, но вместо собак в них запряжены олени с ветвистыми рогами.

— Я попрошу, и меня покатают на собаках...

— Как же, покатаешься на таких собаках! — засмеялся Сенька. — Это же самоедские и эскимосские собаки... Они сами себя едят, а тебя и подавно на куски поделают...

— А эскимосы? Они что, эскимо едят? — спросил Вовка.

— Там никакого эскимо не захочешь... — проворчал Сенька. — Сам в такое эскимо замёрзнешь, что не угрызёшь...

Рассматривая картинки, Вовка не испытывал никакого страха, но Сенькины рассказы сделали своё дело: Вовке стали по ночам сниться такие страшные северные сны, что он начал метаться и вздрагивать. Мать даже забеспокоилась — не заболел ли Вовка?

Сенька был старше Вовки на несколько месяцев и до поры до времени счастливее его: у него была шикарная с узорами красная тибетейка неизвестного происхождения. Она точно приросла к Сенькиной макушке, и, если бы он однажды появился без тибетейки, его просто не узнали бы. Поэтому и прозывался он Сенькой-тибетейкой.

И Вовка не выдержал.

— Хочу тибетейку! — потребовал он у тёти Вали. — А то у Сеньки она есть почему-то, а у меня почему-то нет... Красную хочу.

— А зелёную не хочешь? — спросил у него двоюродный Коля. — Фуражку пограничную, зелёную хочешь? Настоящую...

Вовка растерялся: конечно, неплохо бы носить настоящую пограничную фуражку, как у отца, но кто знает — может, тибетейка лучше?

— Чудак ты! — сказал Коля. — Тибетейку можно на любой барахолке купить за рубль за двадцать, а настоящую пограничную фуражку поди купи... Её за службу выдают.

На барахолке Вовка никогда не бывал, а в мага-

зинах и на базаре, даже на привозе, действительно им с тётей Валею никогда не попадалось пограничной фуражки.

А почему Коля предложил Вовке пограничную фуражку? Да только потому, что она у него была. Когда Вовкин папа был ещё курсантом пограничного училища, а сам Коля был таким, каким был сейчас Вовка, он тоже потребовал себе на голову что-то особенное, не как у всех, и молодой его дядя, Вовкин папа, отдал ему свою курсантскую фуражку. Её пришлось малость переделать: перелицевать и уменьшить. Но зато получилась «вещь», как сказал сосед, фуражечных дел мастер.

И вот на улице Ефремова, кроме Сеньки-тюбетейки, появился Вовка—зелёная фуражка. И улица покачнулась от изумления, а Сенькина тюбетейка сама собой свалилась с макушки хозяина.

— Не настоящая...— изрёк Сенька, приходя в себя.— Переделка не считается!

Опять выручил двоюродный Коля:

— А из какой переделана? Из настоящей пограничной! Это тебе что? Так себе? Да эта фуражечка в Карпатах побывала, на Западной Украине... Ясно тебе это? А твоя тюбетейка где побывала? На барахолке?

На это Сенька ничего ответить не мог: его тюбетейку действительно купили на барахолке.

Всем захотелось поносить настоящую пограничную фуражку или хотя бы потрогать её. Даже девочки потянулись к Вовкиному головному убору. Но тут Сенька налетел на них петухом.

— А ну, отскочь! Мы с девочками не водимся!— сказал он и даже прикрыл Вовку своим телом.

— Не водимся...— подтвердил Вовка.— Отскочьте...

И девочки остались в прошлом. Их почему-то в Армавире было больше, чем мальчишек. Пожалуй,

с ними можно было бы играть, но даже тогда, когда Сенька, подцепив свинку, целый месяц не показывался на улице (и к нему никого не пускали), Вовка остался верен уговору и с девчонками не водился. Сделал только одну уступку: разрешил девчонкам не только потрогать свою пограничную фуражку, но даже примерить её. Он будто забыл её на скамейке у калитки, а сам стал подсматривать сквозь щёлку в заборе. Конечно, девчонки немедленно слетелись к скамейке, как воробьи на хлебную корку. Когда все они перетрогали фуражку, все перемерили её, Вовка неожиданно выбежал со двора:

— А ну, отскочите!

По словам Сеньки, на Севере только одно было хорошо — там не водилось девчонок. Нечего им делать там. Да и мальчишек было не густо: раз, два — и обчёлся.

В общем, нагнал Сенька страху. Но когда стало ясно, что Вовке всё же придётся ехать с отцом и матерью, Сенька сказал:

— Эх! Жалко мне тебя, несмыслёныша! Вот кабы твой отец согласился взять и меня с собой... Дали бы нам пограничники автомат, хоть один на двоих, мы бы с ним и шпионов ловили бы, и с медведями бы расправились...

— А может, он и согласится? — ухватился Вовка за Сенькино предложение. — Пойдём попросим...

Сенька только усмехнулся.

— Так не бывает... — сказал он с грустью. — Он же пойдёт к моим спрашивать, можно меня взять или нет? А разве мои отпустят? Да нипочём! Мамка сразу про тёплую одежду начнёт, что её у меня нет, а купить не на что. Я же не один у них, а шестой. Всем валенок не накупишься. И шапок не напасёшься. Нет, не видать мне твоего Заполярья, как своих ушей. А ты пропадёшь там без меня... Хоть письма пиши почаще.

— Ладно,— сразу же согласился Вовка.— Я каждый день тебе писать буду.

Сенька опять рассмеялся:

— «Ладно... Писать буду...» Смехота! А как же ты будешь писать, когда ты сроду ни читать, ни писать не умеешь? — Забыл Сенька, что и сам только собирается осенью в первый класс.

— Научусь,— не сдавался Вовка.

— Это когда будет-то? Да пока ты читать-писать выучишься, так и забудешь, как меня звать-величать...— вздохнул Сенька.

— Не забуду... Я и там буду с тобой водиться...

— Интересно! Я буду тут, а ты там... Как это можно так водиться? — удивился Сенька.

— А я думом буду с тобой водиться, вот как! — сказал Вовка.— Пойду с ружьём шпионов ловить, и ты понарошку со мной. Убью медведя и буду говорить, что мы его с тобой убили... Хочешь так водиться?

— И на том спасибо...— сказал Сенька.— А пока научишься писать, ты мне картинки рисуй. Только не самолёты да танки... Таких картинок у меня уже много. Ты мне про то, что там есть, рисуй. Идёт?

— Идёт,— согласился Вовка.

— Смотри — уговор дороже денег!..

— Дороже денег...— согласился Вовка.

* * *

Кажется, Севера побаивалась и мама. Какую-то тревогу улавливал Вовка во всех её движениях, в разговорах с отцом, когда она начала готовиться в дорогу и укладывать пожитки в ящики, узлы и чемоданы. Для Вовки она накупила уйму разных тёплых вещей, но ей всё казалось, что она что-то забыла, и, если папа говорил, что купим там, она смотрела на него недоверчиво и спрашивала:

— Да разве там можно?

Папа только смеялся в ответ:

— На заставе, конечно, не всё купишь, но к нам приезжает автолавка... А разве нельзя в отряд съездить? Там в посёлке магазины... Выбрось из головы все басни про Север. Вот увидишь, как там здорово...

— А Полкана возьмём? — как-то спросил Вовка: всё же с собакой не так страшно повстречать белого медведя.

— Ну что ты, сынку, устарел наш Полкан для Севера. У нас на заставе серьёзные собачки живут. Таких ты и не видел ещё... Один наш Хмурый чего стоит! На всю границу славится, такой умница, что его одного можно в наряд посылать...

Конечно, это хорошо, что на заставе такой пёс, которого одного можно посылать в наряд, но и с Полканом Вовке расставаться не хотелось. У старика Полкана тоже были заслуги.

— Он же старше меня на целых три года! — говорил про него двоюродный Коля. — Он же нас с Танькой, можно сказать, вынянчил... Ведь он почти овчарка, а позволял на себе верхом ездить.

А дедушка Макарыч говорил, что они с Полканом теперь на одинаковом положении — оба пенсионеры.

По старости лет Полкан уже не катал Вовку на своей спине, но присматривать за ним всегда присматривал. И если Вовка, по его мнению, бежал чересчур быстро, начинал ворчать и даже хрипловато лаять, будто говорил:

«Потише ты, пострелёнок! Упадёшь и расквасишь себе нос... Знаем мы вашего брата, насмотрелись за свой век».

...Полкан тоже остался в прошлом. Больше Вовка о нём не спрашивал отца. Да он вообще мало его о чём спрашивал, потому что всё ещё, как говорил дедушка, «бирючился» при нём: ведь Вовка почти не

знал отца. Ключев-старший служил на границе, а в Армавире появлялся только тогда, когда ему давали отпуск.

А служил он где-то за долами, за Карпатскими горами и не на одном месте, а всё время его «перебрасывали»... (Вовка часто хотел себе представить, как перебрасывают отца? Он даже картинку нарисовал, на которой один рослый солдат перебрасывает по воздуху его отца другому, а тот протянул руки, чтобы поймать отца.) Мама всякий раз ездила к нему на новую заставу. Вовку никто пока никуда не перебрасывал, и он жил у бабушки Макарыча, у тёти Вали и двоюродных Коли и Тани.

Думал век так жить, а теперь вот взяли и его перебросили...

После того как они по дороге на Север побывали в Москве у дяди Андрея и тёти Лары, Вовка решил, что все девочки, которых зовут Танями,— двоюродные. У дяди Андрея тоже была дочь Таня, и она тоже была двоюродной, хотя и была уже большая...

Всё это осталось в прошлом. А сейчас за вагонным окном проносились бесконечные леса, без единого зелёного листочка на деревьях и кустах, без единой зелёной травинки на лугах и полях. Да и какая могла быть трава, когда между деревьев то и дело мелькали целые сугробы рыхлого серого снега? А вершины гор, что виднелись за лесом, вовсе были покрыты снегом, таким снегом, какого в Армавире даже среди зимы не увидишь.

Все в вагоне давно спали, спали и отец с матерью, но вот отец проснулся, увидал, что Вовка не спит, и спросил:

— А почему не спишь, сынку? Ночь на дворе, а ты всё в окно смотришь...

— Ночь? — не поверил Вовка. — Когда ночь, тогда темно бывает...

— Это, брат, в Армавире так, а тут и днём светло

и ночью что днём... А летом вовсе солнце заходить не будет... Спи, скоро приедем в Кандалакшу.

Вовка ушам своим не поверил: а где же Сенькина крошечная темнота?

К ЗАСТАВЕ НА ПЕРЕКЛАДНЫХ

Первое, что понял Вовка, когда его вынесли из вагона и он открыл глаза: пока не придётся ему носить свою пограничную фуражку. Было начало мая, середина весны, а здесь, в Кандалакше, весной и не пахло. Всё кругом было запорошено снегом, и он продолжал валить на землю с белого неба. И не плавно падал, а летел со свистом косыми толстыми нитями, норовя пробраться за шиворот, в рукава, под шапки-ушанки.

— Батюшки светы! — воскликнула мама. — Да что же это творится?

— Заряд... — спокойно сказал отец. — Это скоро пройдёт... Потом может снова налететь. Бывает, что и в июне снег срывается, но зато потом такая жара приходит, что никакого юга не надо!

Сложив вещи у выхода в город, папа пошёл выяснить: не прибыла ли из отряда машина, на которой им ехать дальше. Вовка тоже хотел пойти с папой выяснять, но мама не пустила.

— Ещё засыплет тебя где-нибудь этим зарядом... — сказала она, уселась на чемодан и прикрыла Вовку полкой пальто.

Папа вернулся очень скоро и не один: с ним пришла какая-то тётенька в шляпке, в летнем пальто и в туфлях на высоких каблуках. Тётенька вела за руку худенькую девочку тоже в лёгкой одежонке.

— Знакомьтесь! — сказал папа тётеньке. — Это моя супруга Мария Семёновна и наш Вова... А это, Маруся, Клавдия Петровна, жена моего заместителя

с дочкой Светланой. Ездили в гости в Ленинград, теперь домой возвращаются...

Вовкина мама встала с чемодана и протянула тётеньке руку. Вовка тут же спрятал руки за спину и так насутился, что всем сразу стало ясно: с девочками он знакомиться не собирается.

— Но мой-то, мой муженёк! — тут же запричитала Клавдия Петровна. — И письмо написала, что едем, и телеграмму отбила, и... на́ тебе! Ни самого нет, ни сопровождающего... Хоть бы кого из солдат послал, чтобы встретили!

— Считайте нас сопровождающими, — сказал папа.

— А вы мне что, свою шинельку и сапоги отдадите? — спросила Клавдия Петровна. — А Светку я должна в пальтишке на рыбьем меху везти в машине на заставу? Да она задубенеет по дороге...

Вовка никогда ещё не слышал такого слова — «задубенеет», но сразу понял, что это значит. Он представил себе задубеневшую Светку и чуть было не рассмеялся: руки-ноги у неё, как палки — не согнуть, не разогнуть, торчат в разные стороны, словно у огородного чучела, голова не ворочается, глаза застыли, как нарисованные... И рот не открывается. Хочет Светка что-то сказать, а сказать не может...

— В самом деле, Борис, как же они поедут в таком виде? — сказала Вовкина мама.

— До отряда поедут в кабине, а там что-нибудь придумаем,— ответил папа.— Да и погода вроде разгуливается...

И тут все увидели настоящее чудо: снегопад мгновенно прекратился, белые тучи как будто кто сдёрнул с небосвода, и солнце так брызнуло горячими лучами, что все невольно зажмурились.

— Ну, что я говорил? — Вовкин папа так засиял, будто он сам сделал это чудо.— По машинам!

Машина — крытый брезентом грузовик — стояла на площади перед вокзалом. Чернявый солдат — водитель помог погрузить в неё вещи. В кузове устроились Вовкины папа с мамой, а в просторной кабине, справа от водителя,— Светкина мама с ребятами: Светку она взяла к себе на колени, а Вовку усадила меж собой и водителем. Вовка было заартачился: как это он да рядом с девчонкой! Но папа коротко и строго сказал: «Не дури!» — и Вовка понял, что верно — дурить не следует...

Сначала поехали по улице привокзального посёлка, а как миновали последние дома, помчались лесной дорогой. Но ехали не прямо, а всё время поворачивая то вправо, то влево, как вела дорога. Да тут прямую дорогу и не проложишь: тут не ровные места, как на Кубани. То и дело объезжали скалистые выступы гор, громадные валуны, обломки скал. Но случалось и так: впереди совершенно ровное место, а дорога убегает от равнины в сторону. Только потом Вовка узнал, что ровными местами зимой выглядят озёра и болота. Их тоже приходилось объезжать по берегу...

Сам того не желая, Вовка украдкой поглядывал на Светку, а Светка тоже, видать, присматривалась к нему. Иногда они встречались взглядами. Тогда Вовка быстренько отворачивался, чтобы Светка не подумала, что он собирается с ней водиться.

Сидят и словечка не обронят! Светка всё делала

вид, что её страшно интересуется разговор матери с водителем.

Клавдия Петровна спрашивала:

— Вы не в курсе: говорят, в посёлке откроют второй промтоварный магазин? Вроде строить хотели...

— Второй этаж уже кладут... и ещё два жилых дома строят — на горочке... А про новую электростанцию слышали? Так вот — уже фундамент...

— Мама! Верно, что мимо гор река текла, Нива?.. — вдруг важно сказала Светка. — А теперь не течёт, её плотиной запрудили и в трубы взяли, чтобы электричество делала... Правда, да?

— Правда... — ответила мама. — Что будет станция — это хорошо. А у нас, интересно, исправили движок? Не знаете? Сколько можно в темноте!

— Кажется, вам отправили новый... — Водитель вдруг усмехнулся: — Да очень ли нужен теперь?

Водитель ещё хотел что-то сказать, но снова его перебила Светка, искоса поглядывая на Вовку:

— И реки Ковды тоже нет, правда, ма? Её тоже взяли в трубу?

— Да, да... Взяли... Не вмешивайся, когда взрослые говорят! Сколько раз говорила... Так почему же не нужен, товарищ водитель?

— Да сейчас, говорю, и без электричества не худо. Скоро белые ночи начнутся. Я по первому году долго к ним привыкнуть не мог, никак не усну в положенное время...

И опять Светка не выдержала:

— И я не могла спать поначалу, когда в прошлом году приехали...

— Да уж про тебя и говорить нечего, — засмеялась Клавдия Петровна. — Тебя и в нормальных условиях не уложишь... День и ночь тарахтишь и всюду свой нос суёшь... Ты вот с Вовочки пример бери — сидит себе спокойно и не встревает в разговоры взрослых...

«А девчонки все такие», — чуть не вырвалось у Вовки. Заметив, что Светка поджала губы и злюще покосилась на него, решил, что и за тысячу рублей не будет с ней водиться. Ох, как хотелось ему узнать, как это реки «забирают» в трубы и как они делают электричество, но он отвернулся, чтобы совсем не видеть Светку.

Клавдия Петровна поняла это по-своему:

— Ты что, Вовочка, вертишься? Может, тебе куда нужно?

Надо же такое — при Светке! Вовка покраснел до бордового цвета и уткнулся носом в рукав водителя.

— Да ты не стесняйся, — сказал тот. — Дело житейское. Коль приспичило, остановимся... Дорога-то дальняя.

Вовка и вовсе смутился.

— К маме я хочу... — только и сказал он.

Водитель затормозил, остановил грузовик у обочины, высадил Вовку и сказал:

— Иди вон туда, за машину.

Забежав за грузовик, Вовка попытался дотянуться до борта руками, но роста не хватило, и тогда он громко крикнул:

— Мама!

— Ты чего, сынку? — выглянул из кузова отец.

— Я хочу к маме...

— Быстро соскучился... — усмехнулся отец, протянул крепкие, жёсткие руки и поднял его в кузов.

Когда машина снова тронулась, мама спросила:

— Что ж ты ушёл из кабины? Там же интереснее — всё видно.

— Я уже всё посмотрел... — ответил Вовка и положил голову на мамины колени.

Потом мама уверяла, что ясно слышала, как он сказал:

— А Сенька говорил, что на Севере девчонок не водится...

Сам Вовка этого вспомнить никак не мог. Но что верно, то верно: кладя голову к матери на колени, он как раз об этом подумал! Выходило, дружок его Сенька-тюбетейка ошибся. На Севере-то девчонки водятся! Да ещё какие... Про реки всё знают, знают, как их забирают в трубы, знают, как они электричество делают!

«А может, больше нету, только одна? — продолжал свою думу Вовка. — Может, нечаянно попала?»

Если говорить откровенно, Вовка ничего не имел против Светки. Что же теперь делать, раз она девчонкой народилась? А так... Почему бы не рассказать ей про все свои машины и самолёты, про альбомы, карандаши и краски, которые он сам уложил в свой чемоданчик. Мог бы тоже показать, а то и дать примерить свою пограничную фуражку!

— Мама! А фуражку мою мы не забыли в Армавире? — спросил он, поднимая голову с колен матери.

— Чего это ты вспомнил про неё? — засмеялась мать. — Боюсь, не скоро тебе придётся щеголять в ней. Посмотри вон, что на воле творится!

Она откинула край брезента, и в машину ворвался снежный вихрь.

— Май месяц, а тут февраль метелит... — продолжала мама. — Ну вот, стала машина. А может, приехали?

— Нет... — ответил отец. — До отряда ещё километров сорок, а оттуда ещё на лошадях до заставы будем добираться.

Мама только вздохнула...

— Погулять хочешь? — спросил отец, соскакивая с машины.

— Хочу... — сказал Вовка и протянул отцу руки.

Вокруг машины снова крутились снежные струи. Они неслись то в одну сторону, то в другую, взмывали вверх, снова обрушивались на брезент.

Отец подошёл к водителю:

— Ну что, загорать будем?

— Видимость ноль, товарищ старший лейтенант. Но, я думаю, это ненадолго... Ты не укачался? — спросил неожиданно водитель у Вовки. — А подружка твоя десятый сон уже досматривает...

Вовка хотел было сказать, что Светка совсем ему не подружка, что с девчонками он не водится, но промолчал.

— Да ты, я вижу, неразговорчивый... — засмеялся водитель и спросил у отца: — Сколько ему?

— Скоро шесть стукнет, — ответил отец.

— О! Оглянуться не успеешь, как солдатом станет... Смотрите! Я же говорил, что это ненадолго...

И снова снегопад мгновенно прекратился, и тут же полыхнуло солнце. Машина, точно обрадовавшись погоде, понеслась по дороге. Не прошло и часа, как она влетела на единственную улицу посёлка, пересекла его и остановилась перед большим деревянным зданием.

Солдат с автоматом, стоявший на крыльце, открыл дверь и что-то крикнул внутрь. Из дверей вышли три солдата и побежали к машине.

Первым подбежал рослый солдат с золотыми лычками на погонах.

— Здравия желаем, товарищ старший лейтенант! С благополучным прибытием! — выкрикнул он.

— Спасибо, сержант! — ответил Вовкин папа и вскинул руку к фуражке. — Как дела? Новостей нет?

— Полный порядок в погранчастях, товарищ старший лейтенант! — ответил сержант. — Только вот дорога на заставу...

Сержант покрутил головой, и всем стало ясно, что дорога на заставу ничего хорошего не сулит.

— Верхами добрались, — добавил сержант. — Мосток на Бешенке еле дышит, вода уже по льду идёт, но лёд ещё держит... Надо торопиться.

Сержант и один из солдат помогли снять с грузовика вещи. Второй солдат побежал к лошадям. Отец отправился докладывать начальству. А Вовка, как сняли его с машины, так и стоял, удивлённо глядя на новый мир, раскинувшийся перед ним.

Посёлок, его дома и улицы и всё, что окружало посёлок, — всё было непохожим на привычное, армавирское. Но больше всего Вовку поразил лес. Только с одной стороны посёлка сразу же за домами — огромное поле, заснеженное, без единого бугорка, деревца или кустика. Даже пятен на нём никаких, частые сыпучие «заряды» прикрыли всё свежим снегом.

На поле Вовка только взглянул, а вот от леса не мог глаз оторвать. Лес окружал посёлок сплошной тёмной стеной. Вовке казалось, что в этом лесу нет отдельных деревьев, что это окружил посёлок литой тёмно-зелёный вал, через который не пробраться ни пешему, ни конному, — куда уж там на машине проехать! «Вот бы наших ребят сюда... Это им не Третья роща...»

В Армавире на берегу Кубани чудом сохранился небольшой лесок. В нём без труда можно было считать все кусты и деревья. Называется этот лесок почему-то Третьей рощей, хотя даже дедушка Макарыч не помнит, чтобы существовали роща первая и вторая. В Третьей роще армавирцы гуляют по праздникам. Бывает, столько привалит народу, что не всякая семья найдёт себе местечко под деревом. И всё же ребятам Вовкиной ватаги роща казалась в будние дни дремучим лесом. Если забрели в рощу, то идут по тропкам молча, гуськом, наступая друг другу на пятки. А ведь даже из самой середины рощи были видны и дома городские, и гора Фортштадт за рекой, и сама Кубань...

Вовка глядел на здешний лес, и его чуть познабливало. «Это вам не Третья роща...»

А ведь где-то в этом лесу была папина застава, на которую везли Вовку с мамой. Может быть, всё, о чём говорил Сенька, начнётся за этими крайними домами посёлка?

А ещё Вовка думал: «Такой лес даже рисовать страшно... И краски не найдёшь. Наверно, зелёную нужно с чёрной мешать...»

Оглядывая лес, Вовка совсем забыл про Светку. Но она напомнила о себе.

— Мама! — сказала она за Вовкиной спиной. — А по этому озеру лодки и катера плавают летом, правда же?

Интересно, где это она озеро выглядела? Лес да поле... Это она его, Вовку, дразнит... Ну, погоди!

Светкина мама, ни с кем в это время не разговаривавшая, сердито ответила:

— Опять ты встречаешь? Будут, будут плавать! Как растает лёд, так и поплывут... И больше не приставай. Займись чем-нибудь... Поговори вон с Вовчиком!

В Армавире Вовка не растерялся бы: через пролом в заборе, за поленницы, мимо сараюшки — раз-два и нету! А тут удрать некуда, и Светка уже рядом.

— Знаешь, как это озеро называется?.. — начала она.

Но Вовка с тихой угрозой оборвал её:

— Отскочь! Я с девчонками не вожусь...

— Вот интересно... — пожала плечами Светка. — С кем же ты будешь на заставе водиться, если нас там всего два человека детей?

— С Хмурым буду водиться... — Вовка вызывающе посмотрел на девчонку.

У Светки даже глаза округлились от изумления. Но она скоро пришла в себя и так громко рассмеялась, что у Вовки в горле запершило от обиды.

— Эх, ты! — смеялась Светка. — С Хмурым он бу-

дет водиться! Да Хмурый только авкнет один разок — и от тебя ничегошеньки, ничегошеньки не останется!

— Останется... — буркнул Вовка.

— Пуговики, может быть, останутся... — продолжала смеяться Светка. — Он потом их выплюнет, вот они и останутся... Сразу видно, что ты ещё малышка.

Ничего другого более обидного Светка не могла бы и придумать: Вовка терпеть не мог, когда его называли маленьким. А тут ещё и «малышка»!

— А ты кто? Сама ты кто? Ты большая, да?.. А... а фуражка пограничная у тебя есть? Из настоящей переделанная? Ага! Замолчала?

Зелёной пограничной фуражки у Светки не было, и она растерялась.

— Да у тебя, наверно, и простой тюбетейки нет! — наступал Вовка.

Светка даже попятилась от него.

— Ну и не надо! И не водись! Целуйся со своей фуражкой! — выкрикнула наконец Светка и побежала к матери.

Вовка остался один. Перед ним лежало огромное заснеженное озеро. Как оно называется? Света-то, конечно, знает!

И как это по нему плавают лодки и катера? Света, конечно, видела! А он никогда в жизни не видел ни катеров, ни пароходов. Вот и попробуй вообрази! Простую лодку он видел и даже катался на ней с двоюродными Колей и Таней по Армавирскому морю. Но сам Коля говорил, что их море больше похоже на корыто с водой, чем на настоящее море, и никакие катера здесь не плавают...

Пока Вовка так размышлял, в большом двухэтажном доме на другой стороне зазвенел звонок и через несколько минут из его дверей на улицу брызнули мальчишки и девчонки, большие и маленькие, с портфелями и ранцами. На улице сразу стало шум-

но и тесно. Ребята по двое, по трое расходились по посёлку, но не все — некоторые по тропинке, протоптанной в снегу, цепочкой потянулись к другому большому зданию, стоящему недалеко от школы на берегу озера. Мальчишки шли рядом с девочками, разговаривали с ними, смеялись, и никто из них почему-то не сказал ни одной девчонке: «Отскочь!» или: «Я с девчонками не вожусь»...

Худенькая светлоглазая девочка крикнула рослому мальчику, который как раз поравнялся с Вовкой:

— Коля! Смотри приходи сегодня в интернат! Будем репетировать...

— Сама не забудь!.. — ответил мальчик и взмахнул портфелем.

И никто из ребят не обозвал его девчоночником! Или тут можно с девчонками водиться?

«А что такое интернат и что такое репетировать?» — думал Вовка. Слова были новые, важные, значительные, но спросить было не у кого, а Светка больше и смотреть в его сторону не желала.

Но тут Вовку позвал отец:

— Сынку! Идём в столовую да будем трогаться дальше. — И добавил для мамы: — Нам, Маруся, сегодня хотя б до лесника добраться, до сторожки, а утром, пока морозец, форсировать нашу Бешенку... А то разольётся она, застрянем мы на добрую неделю в двух шагах от дома.

Как только они вошли в Дом пограничников, Вовкин папа вскинул ладонь к фуражке: прямо перед входом неподвижно стоял солдат с автоматом на груди, а рядом с ним, у стены, было укреплено на подставке красное бархатное знамя, расшитое золотом.

Впервые в своей жизни Вовка обедал в столовой.

Как нарочно, его посадили рядом со Светкой, и Светкина мама сказала:

— Ну-ка, посмотрим, кто молодец! А молодец тот, кто первым увидит дно тарелки...

Солдат, у которого поверх гимнастёрки была надета белоснежная курточка, поставил перед ними по тарелке солдатского борща. После первой ложки Вовка хотел было отодвинуть тарелку — в борще было много свёклы, а Вовка терпеть её не мог, но тут он покосился на Светку и не только не положил ложку, а стал так проворно подносить её ко рту, что мама даже испугалась:

— Да ты не спеши, не спеши... Захлебнёшься... Не спеши! А если дно никак не показывается!

Он ложки на три обогнал Светку и ел с таким видом, будто свёкла слаще пряника и будто сроду он ничего вкуснее не ел.

— Один — ноль в твою пользу, — сказала Светкина мама.

Солдат в белой куртке, наверно, решил, что ребята голодали всю дорогу, и второго — макарон с мясом — принёс им по тарелке с верхом. Тут обе мамы пришли на выручку: одну порцию разложили на две тарелки и не очень-то заставляли есть.

Но, видно, Светка не любила проигрывать, она склонилась над тарелкой, как велосипедист над рулём, и так принялась уплетать солдатские макароны, что за ней никакой пограничник не угнался бы! Не угнался и Вовка.

— Один — один! — сказала Светкина мама. — Оба молодцы!.. Компот ешьте тихонько. А то и вкуса его не почувуете!

Ничего пообедали, хорошая кормёжка у пограничников.

И вот все тронулись в путь на папину заставу.

Солдаты погрузили на подводу тюки и чемоданы, усадили на вещи Вовку со Светкой, а все взрослые — папа, Вовкина мама, Клавдия Петровна, сол-

даты и сержант — уселись на верховых лошадях. Солдаты — народ дисциплинированный, подтянутый; но и они всюду разублажились, когда на лошадь стала садиться Клавдия Петровна в модной шляпке, в туфельках на высоких каблуках. Но она не обиделась на солдат, сама смеялась от всей души, приговаривая:

— Ещё ладно, не по Невскому проспекту поедет: столько бы народу за животики держалось!.. Зато в лесу ни один зверь нас не тронет: как увидит мою шляпку, за тридевять земель убежит.

«Вот оно, прав был Сенька, начинается... — думал своё Вовка, сидя на подводе. — Только въедем в лес, а белые медведи тут как тут... Высунет лапу из-за сугроба и... будь здоров! Не кашляй!..»

Сразу же за посёлком дорога нырнула в такой темный и дремучий лес, что Вовка аж в комочек собрался и пододвинулся ближе к ездому.

— Вы, ребята, держитесь покрепче. Дорожка тут, прямо скажем, не бархатная...— сказал ездо-вой.— Сядьте рядом и держитесь друг за дружку...

— Не, я за вас буду держаться.— И Вовка ещё дальше отодвинулся от Светки.

Если бы Вовка сумел пересчитать все камушки, все кочки и выбоины на этой дороге, все бревенчатые мостики через ручьи и деревянные настилы через болота, то Сенька, наверно, почесал бы затылок: «Ну и Вовка, ну и голова!» А если б Вовка порассказал Сеньке, что дорога то и дело петляла, огибая то огромные гранитные валуны, неведь как попавшие в лесные дебри, то мохнатые выступы сопок, то озеро, то озерцо, тогда Сенька и вовсе бы обозвал Вовку великим учёным!

В одном месте солдатам пришлось спешиться, чтобы убрать с дороги упавшее дерево. Даже топоры пустили в дело.

— Куда это ты нас завёз? — шёпотом спросила Вовкина мама отца.

— Э-э, Маруся! Дальше ещё красивее будет — такая дичь и глушь, — ответил отец. — Заповедные места, никакого курорта не надо. А рыбалка какая, а охота!..

Вовка ожидал, что Светка запищит от этой трясучки — всё же девчонка как-никак! Но Светка даже и внимания не обращала на то, что подводу, швыряло из стороны в сторону или встряхивало на какой-нибудь булыжине. Она почему-то не взлетала над чемоданами и узлами, как он, Вовка.

Не очень-то смотрел Вовка на Светку, а всё же успел заметить, что нос у неё был пуговкой, короткие белые косички с голубыми бантами жёстко и прямо торчали из-под красного берета. Больше всего Вовке не понравились Светкины глаза. Уж очень большие, не то серого, не то синего цвета — и не поймёшь. Вовка недолго думая окрестил её «лупоглазой», а ещё «длинноногой».

Вовка не собирался с ней разговаривать, а не разговаривать Светка не могла. На все её вопросы пришлось отвечать ездovому. А он отвечал охотно, по всему виду, дяденька добрый. Наверно, это был у них не первый разговор: у Светки как будто развязался мешок, до краёв набитый вопросами: они так и сыпались.

— А на нашем участке происшествий никаких не было? — важнецки начала Светка и стрельнула глазами в сторону Вовки.

— Всё в порядке, товарищ дочка заместителя начальника заставы! — длинно отрапортовал солдат. — Граница на замке!

А дальше пошло:

СВЕТКА. А контрольно-следовую полосу ещё не пахали? — И опять глазами в Вовкину сторону: вот-де, мол, дорасти ещё до меня!

СОЛДАТ. Никак нет. Рановато ещё. Вот стает снег, тогда и примемся за дело. И плуги готовы и бороны...

СВЕТКА. А сержант Куликов на рыбалку ходит?

СОЛДАТ. А как же! Окунями и кумжей балует нас исправно...

СВЕТКА. Я кумжу люблю... И окуни вкусные, а плотва невкусная. В ней костей много. И у лещей кости... А красный уголок уже отрен... уже отер... фу, уже отремонтировали?

СОЛДАТ. Порядок... Потолок побелили, стены масляной краской покрасили, полы перестлали... Вот ковровые дорожки везём, уют будет стопроцентный...

Вовка насторожил уши, как только разговор зашёл о рыбалке. Он был заядлым рыболовом, даже не помнил себя без удочки. Мама, смеясь, говорила, что это у него наследственное, папино, но приучил Вовку к удочке не папа, а всё тот же двоюродный Коля. Он сам просиживал с удочками день и ночь. Вовку он начал брать с собой, как только двоюродный братишка ходить выучился. Таня смеялась: когда-нибудь Коля перепутает, нанижет на крючок Вовку вместо лягушонка и забросит закидушку на сома...

Однажды рыбацкое счастье и к Вовке повернулось лицом: он подцепил здорового голавля, леска не выдержала, и, вероятно, голавль до сих пор гуляет в реке с Вовкиным крючком в губе. Голавль этот потом в рассказах Вовки всё рос и рос. Сначала он был с локоток, потом с руку, а потом и размаха обеих рук не стало хватать. Пришлось на этом остановиться. Да и Коля подсказал не перебарщивать, чтобы люди не стали называть Вовкин рассказ врушиным «охотничьим рассказом»...

— Я тоже один раз в Кубани голавля поймал... —

решился вставить он, как только Светка на секунду замолчала, и хотел было развести руки, но они у него были заняты — держался за чемодан и узел. К тому же Вовка вспомнил Колин совет и скромненько добавил: — Большого-большого... Только он опять в Кубань упал, потому что леска была тонкая, а кабы она была толстая, я бы его совсем поймал...

— Если бы да кабы... — вставила Светка. — Дядя Куликов как говорит: «Рыба в реке — не в руке, чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть!» Разве это считается, что поймал, когда ты совсем его не поймал?

— И пусть не считается... — сказал Вовка. — Я и не говорю, что считается. А пескари и усачики считаются!.. Знаешь, я сколько их наловил за свою жизнь? Сто, да сто, да ещё сто раз по сто... Вот сколько. Мы их потом жарили и все ели, даже маме досталось! А ты небось и одного пескарика не поймала.

— Подумаешь! Зато я прошлым летом с мамой сто да сто грибов и ягод насобираала, они и сейчас у нас есть. Правда же, дядя Самохин?

— Что правда, то правда... — подтвердил ездовой. — Грибы сушили и солили, из ягод варенье варили... Ну, кажись, приехали... Скоро займка лесника, а там до заставы рукой подать.

БАБУШКА МАРФА И ДЕДУШКА МАТВЕЙ СПИРИДОНОВИЧ

За разговором Вовка и не заметил, что в лесу по бокам дороги сгустились сумерки. Дорога, правда, видна была ещё хорошо. Хорошо были видны стволы сосен и особенно берёз, стоящих у самой дороги, но в глубине леса всё сливалось в сплошную тёмную массу, пугающую своей тишиной. И только где-то впереди, булавочной головкой, мерцал огонёк. Так в летние вечера в Армавире мерцали в темноте жуч-

ки-светлячки, охотиться на которых у ребят было разлюбимым делом. Самым удачливым охотником был Вовка. У него была фуражка, а ловить светлячков фуражкой было куда сподручней, чем, например, тюбетейкой: фуражку можно было держать за козырёк.

И теперь Вовке показалось, что он видит старых знакомцев. Он даже попытался вскочить на ноги и завопить:

— Светлячок! Светлячок!

Но тут подводу швырнуло в сторону, и он чуть не слетел.

Нет, то были не светлячки. И опять эта всезнайка Светка выставилась.

— Это бабушка Марфа и дедушка Матвей Спиридонович там живут! — сказала она. — Это они лампу зажгли...

— Всё равно, как светлячок... — проворчал Вовка. — Мы их фуражками и тюбетейками ловили. Если тысячу наловить в бутылку, ими можно, как фонариком, светить...

А светлячок становился всё ярче и ярче, то появляясь, то исчезая, и вдруг превратился в обыкновенное окошко деревянного дома, стоящего посреди полянки. За домом, чуть поодаль, виднелись сараи. На поляне было светлее, чем в лесу, и Вовка увидел на крыльце дома высокого старика с широкой бородой, наполовину белой, наполовину жёлтой. Старик курил трубку.

— Здравия желаем, Матвей Спиридонович! — Вовкин папа легко соскочил с лошади и приложил руку к фуражке.

— И вам желаем здоровья! — степенно ответил старик, вынимая изо рта трубочку. Он открыл дверь и зычно крикнул в дом: — Гости!

На пороге появилась хозяйка в чёрном платье и сером пуховом платке на плечах. Она была ма-

ленького росточка: головой еле доставала до кончика дедушкиной бороды.

— Бабушка Марфуша! — закричала Светка.

И хозяйка дома заспешила к подводе.

— Приехала, стрекоза, приехала, егоза!.. — напевно приговаривала она, снимая Светку с подводы. — Ну, как ты гуляла там, в своём городе Ленинграде? Веселенько тебе было у родимой бабушки?..

Поставив Светку на крыльцо, она сняла с подводы и Вовку.

— Так, прибавка у меня, одним внучком поболее! — сказала она. — Тебя вроде как Владимиром нарекли?

— Нет. Меня Вовкой зовут. Папа с мамой меня аж из Армавира привезли...

— Батюшки! — всплеснула руками бабушка Марфа. — Далече, наверно, от нас — почитай, на самом краю света... Ну, детоньки, заходите в избу.

Но пришлось чуток задержаться: как раз подъехали Клавдия Петровна и Вовкина мама. Клавдия Петровна, хоть в туфельках, а ловко соскочила с лошади, а вот Вовкину маму пришлось папе снимать с седла и вести к крыльцу. Сама она не могла и шагу сделать: ноги не слушались!

— Ну вот! — посмеивался папа. — А ещё кубанская казачка...

— А что тут смешного?.. — и сердилась и смеялась мама. — Теперь и казаки-то разучились на лошадях ездить, а не то что казачки... Мы теперь к тракторам приучены да к машинам...

Бабушка Марфа расцеловала в обе щеки и Вовкину маму и Светкину маму и повела всех в избу. Про избы Вовка знал доньше только то, что в сказках про них говорится. А в сказках говорится, что избы стоят на курьих ножках... Где ж они, эти курьи ножки?

Изба лесника была сложена из толстых брёвен,

очищенных от коры, и покрыта крышей из досок. Вместо курьих ножек избу поддерживали здоровенные валуны, а промежутки между ними тоже были зашиты досками. И то было Вовке удивительно, что стены внутри избы тоже бревенчатые, а не оштукатуренные и побелённые, как в доме бабушки в Армавире. Из дерева был и потолок, и перегородка, что разделяла избу на две комнаты, деревянным был и пол из широченных досок. Только и пол, и потолок, и стены, и переборка были не тёмного цвета, как наружные стены, а жёлтые с коричневатым отливом. Будто солнцем пропитаны!

Бабушка Марфуша быстро раздела Светку и Вовку и взялась за самовар.

— Да вы не беспокойтесь, не хлопочите, мы ведь не голодные... — сказала Вовкина мама.

Бабушка Марфа взглянула на неё с недоумением, а потом улыбнулась:

— Ты, молодка, почитай, впервой на Севере? Да ещё в нашей глухомани... Гость-то у нас бывает не каждый год, не то что день. Вот поживёшь тут и поймёшь, что такое свежий человек для нас.

— Может, хоть помочь вам в чём? — смутилась мама.

— Отдыхай, милая... Я ведь глазастая, вижу, что ты как на ходулях ходишь!..

...Добраться до заставы сегодня же — это, как сказал дедушка Матвей, невысказанное дело. Надо было ждать утра.

— Ходил я глядеть на Бешенку... — говорил отцу дедушка Матвей Спиридонович. — Свиристует... Но вода идёт поверх льда: не поднялся ещё ледок. Сейчас морозит малость, придержит морозец таянье, утром и переправитесь — воды будет поменьше... Верхами и вброд, конечно, — по мостику опасно. Подводу оставите на заимке...

До чего же хороши были копчёная кумжа, рыб-

ные пироги и шаньги с картошкой, толокном и маслом! А всё-таки Вовка не высидел до конца за столом. Сначала у него стали двоиться коричневые сучки на досках потолка, потом они стали разбегаться в разные стороны, как тараканы, а шанежка вывалилась из рук. Бабушка Марфа сказала:

— Сморился птенец... Дедушка, отконвоируй его в горенку.

Матвей Спиридонович поднял Вовку на руки и понёс в соседнюю комнату за перегородку. Вовка с трудом приподнял веки, увидел близко белую бороду лесника и спросил сонным голосом:

— А белые медведи где? Чего они не показываются?

— Не велика беда... — засмеялся лесник. — Я, однако, поболее твоего живу на свете, а тоже их не видывал... и бурых, и чёрных, и седоватых — всяких видал, а белых не привелось.

Руки у деда были широкие, тёплые, мягкая борода пахла табаком-махоркой и мёдом.

Может, Спиридонович и ещё что-нибудь говорил, но Вовка уже ничего не слышал.

Утром его разбудила бабушка Марфа. Сначала повела в сени и заставила умыться, потом причесала частым костяным гребнем и только тогда подвела к столу. Там уже сидели все взрослые и Светка. Можно было подумать, что они так и не вставали с вечера из-за стола.

— Скажи всем «с добрым утром», — сказала мама.

— С добрым утром, — повторил за ней Вовка. — Я и сам хотел...

— Молодец, внучек! — похвалила бабушка Марфа. — А ты будешь к нам приходить со Светой?

— Буду... — Вовка глянул исподлобья на Светку. — Я буду ловить рыбу и приносить её вам... много, много. Один буду приносить...

— И на том спасибо! Ты, дед, теперь не утруж-

дай себя, ни к чему твои сетки и ятеря... Рыбой нас Вовка обеспечит. А пока, гости дорогие, угощайтесь той рыбкой, что дед наловил.

Взрослые улынулись, а Светка противно хихикнула, поглядывая на Вовку... Она-то знала, что лучшие дедушки-лесника никто на сто вёрст вокруг рыбы не добывал. Даже сам сержант Куликов, уж на что толковый рыболов, и тот считал себя учеником дедушки Матвея Спиридоновича. И охотник он был первый на всю округу.

После завтрака отец сказал Вовке:

— Эх, сынку, завидуем мы вам! Поедете вы, как настоящие индийские принцы!

Вовка понятия не имел, как ездят индийские принцы, но оказалось, что путешествуют они очень просто: берётся обыкновенная лошадь, седлается, затем к седлу приторачиваются две пустые ивовые корзины, одна с правого бока лошади, другая с левого. В корзину кладут по пучку сена, потом в одну корзину сажают принцессу, в другую принца. Свита садится в нормальные сёдла и едет впереди и сзади этой расчудесной лошади.

Сначала Вовка заупряился:

— Не хочу как принц, не хочу в корзине... Я лучше на подводе...

— Не дури,— сказал папа.— Никакой подводы не будет. Повозка здесь останется, пока река не войдёт в берега и не откроется брод. Ясно?

Ясно. И Вовка подчинился. И не пожалел, что пришлось стать принцем: ехать в корзине было даже удобнее, чем на повозке. Корзины плавно покачивались в такт лошадиному шагу, и пассажиров не подбрасывало больше ни на булыгах, ни на выбоинах. Справа от Вовки тянулся всё тот же лес, слева, за седлом, торчала голова лупоглазой принцессы Светки. И куда бы ни поворачивала лошадь, справа был лес или дорога, а слева голова Светки... А дорога по-

прежнему шарахалась из стороны в сторону. Впереди ехал сержант. Он держал в руке повод ихней лошади и поминутно оглядывался, проверяя — не вывалились ли из корзины важные особы?

На этот раз ехали совсем недолго. Очень скоро впереди послышался какой-то шум, а после нового, закрученного поворота лошади остановились на берегу неширокой речки. В речке бурлила совсем необычного тёмно-коричневого цвета вода. Можно было подумать, что текла не вода, а густая чайная заварка.

— А почему она такая? — изумился вслух Вовка.

— Потому что торфяная! — тут же ответила Светка. — Из болот выбегает, а в болотах торф. В такой воде купаться хорошо. И стирать. Она мягкая-премягкая!

У Вовки не было никакого желания купаться даже в мягкой торфяной воде. Погодка была не купаль-

ная: снова временами срывался снежок. А ещё — вода текла не по-настоящему речному дну, а по ледяному.

Первым перебрался через речку один из солдат, его лошадь спокойненько дошла до другого берега, даже не замочив брюха.

— Порядок! — весело крикнул солдат. — Давайте смелее, товарищ сержант.

Кричал солдат не потому, что река была широкой, а потому, что голос заглушался водопадом, — он был чуть ниже по руслу, и вода там ревела, падая на камни. Сержант тронул свою лошадь, следом за ней в реку осторожно вошла и лошадь с ребятами. Она прыдала ушами и косилась на шумящий водопад.

До середины реки добрались благополучно, но, когда берег был у самого носа, лошадь сержанта, норовя поскорее выбраться на сушу, прибавила шагу. Она рванула повод лошади, на которой ехали ребята, та невольно пошла быстрее, и тут Вовка вдруг почувствовал, что корзина проваливается и он летит в воду. Он даже не понял, что лошадь поскользнулась и завалилась на правый бок, на тот бок, к которому была приторочена его корзина. Он не успел и «мама» крикнуть, как очутился в ледяной воде. Лошадь забилась, пытаясь быстрее вскочить на ноги, и так тряхнула корзину, что Вовка совсем было вывалился из неё, но тут на выручку пришла Светка. Девчонка-девчонка, а цепко ухватила руками за Вовкины штаны и не выпускала до тех пор, пока лошадь не выбралась на берег и подоспевший сержант не подхватил Вовку. Не вцепись Светка в Вовкины штаны, кто знает, чем бы всё кончилось? Вовку свободно могло унести водой и сбросить в водопад. Ищи его потом...

Вовкин папа вскачь перелетел через реку, подхватил сына, расстегнул шинель и прикрыл его плечами.

— Руководите переправой! — крикнул он сержанту и, пришпорив лошадь, помчался к заставе.

Очутившись в воде, Вовка так оцепенел, что не мог и звука из себя выдавить. Не смог он произнести ни слова и тогда, когда Светка держала его за штаны. Под шинелью у отца он вдруг почувствовал горячий комок у горла, защипало в носу, но лошадь неслась так быстро, что у Вовки перехватило дыхание, было не до плача. А потом он стал согреваться, и страх прошёл. Он даже увидел себя вроде как героем. Только одно было неприятно: спасла-то его Светка, и как спасла — за штаны поймала!..

Светка отделалась лёгким испугом: её корзина даже не коснулась воды.

От реки до заставы было всего полкилометра. Отец так гнал лошадь, что они мигом очутились на заставе. Вовка ничего толком не успел рассмотреть, пока отец, соскочив с лошади, не внёс его в дом. В комнате отец стащил с Вовки всё, вплоть до трусов, уложил в кровать и принялся растирать одеколоном, да так старательно, что вскоре Вовке стало жарко.

— Ничего... Ничего! — приговаривал отец. — Здоровее будешь, сынок! Привыкай к пограничной обстановке... Как самочувствие?

— Есть самочувствие! — по-военному ответил Вовка. — А мама не намокла?

— Сейчас и мама приедет... Думаю, они перебрались без приключений.

— А Светка тут будет жить? — неожиданно спросил он.

— Тут, тут... — стал успокаивать его отец, не понимая, почему Вовка спросил о Светке. — В этом же доме. Их квартира за стеной... Вход с другой стороны. Лежи, лежи, а я пойду наших встречать. Слышишь, не раскрывайся и с кровати не вставай...

Вовка остался один в просторной комнате, залитой солнечным светом. В этой комнате, не то что в

избе бабы Марфы и деда Матвея, лишь пол и потолок были деревянными, а стены оклеены обоями зеленоватого цвета. Двери и рамы трёх окон выкрашены белой краской, под потолком висел круглый шёлковый абажур жёлтого цвета, а на одной из стен охотничье, конечно папино, ружьё и патронташ с сеткой-ягдташем. (Это потом Вовка узнал, что они так называются.)

Кровать стояла у стены напротив окон. Вовка приподнял голову и посмотрел в окно. Он увидел солдата с автоматом на груди, стоящего под навесом деревянного гриба. Справа виднелся угол какого-то бревенчатого дома. А слева, уже привычный и знакомый, темнел лес, он начинался прямо за частоколом забора. За спиной солдата-часового лежало ровное заснеженное пространство. Теперь Вовка учёный: это могло быть и лугом и болотом...

Но, конечно же, это озеро, решил Вовка, ведь Светка говорила про озеро, в котором какой-то сержант Куликов ловит рыбу.

И тут Вовка забыл про наказ отца, вскочил с кровати и подбежал к окну. Хотелось ему поскорее увидеть сержанта-рыболова! Но на озере не было ни души. Не бегали по двору и собаки, Вовка, конечно, сразу узнал бы Хмурого.

Может, в другое окно можно было увидеть ещё что-нибудь, но Вовке вдруг стало так холодно, что он торопливо вскарабкался на кровать и укрылся одеялом с головой. Прошла минута, другая, а озноб всё не проходил, одеяло не хотело греть и лежало на Вовке каким-то снежным сугробом.

«Там знаешь какая холодюга!» — вспомнились Вовке слова Сеньки-тюбетейки, и ему стало так грустно, так жалко себя, что он, натянув ещё больше одеяло на голову, тихонько заснул...

ЗАПОЗДАЛОЕ ПИСЬМО

Никто не переводил заставу на тревожный режим, на границе было спокойно. Возвращаясь с наряда, пограничники докладывали: «Никаких происшествий не случилось».

И всё же застава жила в тревоге.

— Ну как он? — спрашивали солдаты у дежурного, показывая на окна квартиры начальника.

Дежурный пожимал плечами: ничего определённого...

— Ждём вертолёт...

Больше всех из пограничников был встревожен сержант Степанов — это он вёл на поводу лошадь через Бешенку. И хотя Вовкин отец говорил ему: «Перестаньте, сержант... Никто вас ни в чём не винит...» — Степанов успокоиться не мог. Он называл себя растяпой, шикал на собак, если те подавали голос, ворчал на солдат, если они, по его мнению, чересчур громко стучали подкованными каблуками. А на занятиях физической подготовкой команду подавал почти шёпотом.

— Сергеенко! Что вы делаете соскок с перекладины так, что земля вздрагивает? Забыли, на заставе больной человек... — тихо выговаривал он солдату, и тот на цыпочках возвращался на своё место в строю...

Но вот над заставой застрекотал вертолёт. Он сделал круг и пошёл на посадку прямо перед воротами заставы, в центре небольшой поляны. Вовкин отец и дежурный по заставе торопливо зашагали навстречу вышедшему из вертолёта пожилому военному.

Военный снял шинель и... превратился в доктора: под шинелью у него был белый халат.

Доктор осмотрел метавшегося в жару Вовку и сказал:

— Да, рановато он открыл купальный сезон...

Так я и думал: воспаление лёгких... Только вы, мамаша, духом не падайте: сын у вас крепыш, сердечко работает отлично, оглянуться не успеете, как он уже будет проситься на улицу...

Мама хотела улыбнуться, но улыбка не получилась. Очень она переволновалась и устала. Как только доктор улетел, бабушка Марфа заставила маму лечь в постель.

— Теперь я заступлю на дежурство... Можешь не сомневаться, я сиделка опытная. Против наших с дедом лекарств и доктор не возражает...

Бабушкино лекарство — малиновое варенье — пока применять было нельзя: Вовка не выходил из забвения и ничего не ел, не пил; другое дело — лекарство дедушки Матвея — медвежье сало: доктор велел хорошенько растереть салом Вовкину грудь.

Не одна только бабушка Марфа могла заменить Вовкину маму у постели больного. И Светка могла, и Светкина мама. Ведь Клавдия Петровна была самая настоящая медицинская сестра. А Светка старалась вовсю. Она почти всё время была у Ключевых или играла под окнами их квартиры.

— Я тоже хочу быть сиделкой, — говорила она.

— Ну конечно... — сказала Клавдия Петровна. — Чего-чего, а сиделка из тебя вряд ли получится. Разве что сиделка-непосиделка! Станет Вовчик поправляться, ему как раз такая сиделка понадобится...

Найдётся ли на свете мальчишка или девчонка, которым бы нравились уколы? Ох, как не любил уколы Вовка! Но на этот раз он просто их не чувствовал, а они быстро подействовали, и уже на второй день градусник сбавил, Вовка задышал ровнее, а к вечеру пришёл в себя и попросил пить.

— Ну, слава богу, оклемался... — сказала бабушка Марфа. — Теперь пойдёт мой внучек на поправку...

Светка быстро разнесла бабушкины слова по заставе.

— Оклемался... — сообщила она сержанту Степанову. — Пить попросил...

— Оклемался... — дoloжила она солдату-повару, которого все величали Иваном Ивановичем.

И тот решил срочно наварить для Вовки целый котёл компота.

— Холодненький компот... очень даже жажду утоляет. Спроси-ка у сержанта Куликова: когда его жажда мучает, так он запросто бачок компота выхлещет!

Даже пробегая мимо часового — а с часовым разговаривать не положено по уставу! — Светка пропела:

— Оклемался... Оклемался Ключев Вовка!..

Однако по-настоящему оклемался Вовка только на шестой день — так, что мог сесть в постели. Чтобы было удобнее, мать обложила его подушками. Всё бы хорошо, если бы не уколы. Хнычь не хнычь, а вошла Клавдия Петровна — укладывайся на живот.

Мама подавала Клавдии Петровне прокипячённый шприц, та набирала в него лекарство из крошечных бутылочек, спускала Вовке пониже трусики и...

— Не напрягайся, Вовчик, лежи спокойно, ты же знаешь, что не больно. Во-первых, у меня рука лёгкая, спроси кого хочешь, а во-вторых, укол с новокаином, он обезболивает... Вот и всё!

И такое «вот и всё» три раза в сутки!..

Хныкал Вовка, да куда от укулов денешься: ладно, стаскивайте трусики, колите!

Но однажды он заартачился, и виной тому была Светка. Клавдия Петровна только приготовила этот самый шприц для этой самой инъекции, и вдруг — нате! — в комнату является Светка. Подошла как ни в чём не бывало к самой постели и давай нахально смотреть на Вовку.

— Чего пришла? — проворчал Вовка. — Чего смотришь?

— Чудак, думаешь, мне уколов не делали? Сколько угодно... И доктор делал, и мама...

Сделав укол, Клавдия Петровна ушла. Ушла и Вовкина мама полоскать на озере бельё. А Светка осталась. Она присела на край Вовкиной кровати.

По правде, Вовка рад был Светке: ведь так скучно быть одному. Но то, что Светка пришла, а он лежал со спущенными трусиками!.. Нет, этого он не простит Светке. И Вовка отвернулся к стене.

— Ну чего ты, малышка, отворачиваешься? — начала было Светка. — С тобой как с человеком разговаривают, а ты нос воротить...

И тут Вовка, сам того не желая, вдруг выпалил:

— А тебя не просят разговаривать... Отскочь!..

Светка просто опешила. Она вскочила с кровати, губы у неё дрожали. Раз! — и она у двери. Вовка хотел вскочить, крикнуть, что он нечаянно, что он не думал её обидеть, но было поздно: хлопнула дверь, простучали Светкины каблучки по ступенькам, и Вовка снова остался один.

Воротилась с озера мама.

— А где же Света? — удивилась она. — Я думала, она с тобой. Я ей говорила, что ты скучаешь.

— Нисколько не скучаю... — сказал Вовка, стараясь не разреветься. — Ты лучше альбом дай и карандаши, я рисовать буду... Письмо буду Сеньке-тютейке рисовать...

Мама порылась в чемодане, достала альбом для рисования и коробку цветных карандашей. Вовка уселся поудобнее, открыл альбом, взял карандаш и задумался: надо было такое нарисовать, чтобы Сенька понял, почему Вовка так долго не давал о себе знать.

Сначала Вовка нарисовал крытый грузовик, в котором они ехали со станции до отрядного посёлка, потом нарисовал подводу с вещами, а вот себя, сидящего на той подводе рядом со Светкой, рисовать не

стал. Не стал рисовать и лошадь с двумя корзинами по бокам, в которых они со Светкой добирались до Бешенки, и, уж конечно, не нарисовал, как его за штаны ухватила девчонка и не дала ему вывалиться в воду и угодить в водопад...

А лучше всех получился у Вовки маленький человечек, лежащий в постели с большим градусником под мышкой. Тут Сенька-тюбетейка мигом поймёт, какая с Вовкой беда...

Рисовал Вовка своё письмо, а сам всё поглядывал в окно: не покажется ли во дворе Светка. А когда увидел её, то живо стал на коленки и прислонил альбом к стеклу. Очень хотел Вовка, чтобы она увидела его рисунок. Но Светка даже и не посмотрела в сторону клюевского окошка...

ВОВКА ЗАЧИСЛЯЕТСЯ В РЯДОВЫЕ

Пока маленький человечек лежал в постели с большущим градусником под мышкой, весеннее солнце не ходило по небу без дела. Оно расправилось со всеми снежными сугробами в лесах, на полянах, на болотах и озёрах. Когда Вовка вышел наконец за дверь квартиры, на открытых местах не было и горсточки снега. Солнце так подсушило землю на пригорках и во дворе заставы, что можно было ходить хоть в тапочках. Прощай, зимнее пальто, прощай, шапка-ушанка!

Нельзя сказать, что на Север уже пришло лето. Деревья были ещё без листвы, только кое-где на припёках проклёвывалась трава, кое-где на кустарниках появились почки, а в лесной глухомани, по оврагам, ещё лежали спрессованные сугробы снега. На озере снег стоял и лёд всплыл. Появились полосы воды у берегов, но посиневший лёд был ещё прочен. За суровую зиму он потолстел до метра, нелегко было

солнцу с ним справиться, тем более что течение в озере слабое, проходит посередине, а у берегов вода почти стоячая.

По льду ещё свободно ходили, стараясь, правда, не удаляться от берега. А для того чтобы преодолеть закрайки, солдаты смастерили длинные сходни из жердей. Одним концом сходни лежали на берегу, другим на прочном льду. Вовка каждый день видел из окна, как перебирались на лёд солдаты, пешнями продалбливали дырки-лунки, а потом часами сидели у лунок с удочками.

Рядом с рыболовами подпрыгивала выловленная рыбёшка. Вовкин отец тоже, выкроив часок-другой, отправлялся на лёд и приносил уйму рыбы — её хватало и на обед и на ужин. Чаше всего он приносил красивую рыбу, с золотистым отливом, с тёмными полосками поперёк туловища и ярко-красными плавниками. Это были окуни. Вовке окуни понравились, и он с нетерпением ждал, когда его выпустят на волю и он вместе с отцом пойдёт на рыбалку. А вот маме окуни не пришлись по душе.

— Одно мучение с ними... Чешуя, как припаяна, хоть плачь или вари с чешуёй...

— Ну, это дело поправимое,— сказал папа.— Сейчас смастерю тебе окупёвую чистилку.

И тут же принялся за дело.

Он взял пустую консервную банку, вырезал из неё ножницами полоску жести, пробил в жести гвоздём множество отверстий. Получилось что-то вроде тёрки. Тёрку папа прикрепил к деревянной ручке.

— Ну, Маруся, теперь попробуй...

Мама попробовала, и окуни были помилованы. А полное мамино признание окуни получили, когда бабушка Марфа приготовила из окуней заливное и тройную уху.

— Это что ещё за уха такая? — сначала посмеялась мама.

— А вот увидишь... Наша это — особая, рыбацкая, — сказала бабушка Марфа. — Кто придумал — не знаю, но по-вкусному придумал... А ну, Ключевы, глядите-поглядывайте!

Бабушка Марфа отобрала самых мелких окуней, чешую с них счищать не стала, а только выпотрошила рыбёшку и вырезала жабры, чтобы от них горечи не было. Затем сварила половину окуней, вытащила их шумовкой и выбросила, а в этой же воде сварила остальных окунишек и тех тоже выбросила.

— Это для навару... А теперь запустим в уху кумжу. Её ни в коем разе не будем выбрасывать. И разваривать не станем... Вот так наша рыбацкая тройная варится!.. Попробуйте!

— Отродясь такой вкусной ухи не едал! — похвалил папа.

— Ууу! — Мама черпнула ложкой раз, другой. — Мастерца же вы...

— Всегда тройную будем варить... — сказал Вовка. — Я наловлю много-много рыбы, так мы шестерную будем варить и ещё большейную...

Кумжу Вовка тоже видел впервые. Это была рыба необыкновенной красоты: серебристого цвета с радужными пятнами по всему узкому и стремительному телу.

Просто не верилось, что эта красавица прожорливая хищница!

— Да ещё какая хищница! — уверял папа. — Это же лосось-таймень! Попадись ему на пути любая рыбёшка, и это будет для неё последняя встреча... Поправляйся скорее, сынку, пойдём с тобой на рыбалку по последнему льду. Это не хуже, чем летом!

И вот наступило утро, когда Вовка, одетый почти по-зимнему, появился на крыльце. Он, будто боясь сойти по ступенькам, целых полчаса топтался у двери, рассматривая заставу.

Посредине двора длинный бревенчатый дом, кры-

тый большими серыми плитками. Такая крыша называется шиферной, это Вовка знал.

И что в этом длинном доме, в казарме, живут солдаты-пограничники, Вовка тоже знал. Знал, что там, внутри, — спальни, красный уголок, комната дежурного, кабинет отца и кабинет его заместителя, лейтенанта дяди Коли, Светкиного отца. Очень хотелось Вовке попасть в эти кабинеты.

Он хорошо представлял себе, как выглядит спальня и даже красный уголок, не было ничего непонятного и в названии «дежурка» — значит, комната, в которой дежурят — сидят за столом и по телефону разговаривают. Это Вовка однажды видел в милиции, куда они ходили с дедушкой за какой-то справкой. А вот кабинет...

Кабинет представлялся в Вовкином воображении чем-то вроде шофёрской кабины на грузовике. Разные там педали, приборы, стрелки... И если бы его попросили нарисовать собственного отца в кабинете, то он обязательно изобразил бы командира заставы за баранкой.

Против дома, в котором они жили со Светкой, был ещё дом с широченной дверью и двумя крохотными оконцами. На двери висел огромный замок. Дом этот был виден из окна квартиры, как и все другие постройки, что стояли вдоль забора. В этом доме с замком помещался склад. За складом стоял ещё дом, и не надо было гадать — что там помещается. По одним запахам можно было определить: кухня и столовая.

Рядом с кухней под навесом лежали сложенные в аккуратные штабеля поленья дров. Берёзовые, с белоснежной корой были до того красивыми, что Вовке становилось не по себе, когда кто-нибудь из солдат набирал охапку дров и тащил на кухню: швырнут их в печь и сгорит вся красота...

Вовке не надо было объяснять, что за поленицей

стояла конюшня. Сколько раз в день солдаты выводили из широких дверей приземистого сарая лошадей разной масти. То чистили их, то водили к озеру на водопой, к широкой проруби, а то запрягали в брички и куда-то уезжали. Сено для лошадей хранилось на чердаке конюшни, его сбрасывали на землю через чердачное окно.

Рядом с конюшней, тоже под навесом, стояли брички, плуги и бороны, а ещё красный пожарный насос на колёсах. По словам отца, надо четырём человекам взяться за ручки этого насоса, чтобы получился такой напор, что можно струёй из брандспойта сбить человека с ног.

— Вот когда-нибудь будем проводить пожарное ученье, и сам увидишь, как он действует, — сказал отец.

— А его на лошадях возят? — спросил Вовка.

— Можно и на лошадях, а можно и на руках перекатить куда надо...

Ещё лёжа с градусником, Вовка договорился с отцом, что тот разрешит ему покататься на лошадях. Жалко только, что Вовка не договорился точно — на подводе можно будет покататься или верхом? На подводе тоже было интересно, но проехаться верхом, да так, чтобы эта лупоглазая Светка видела, вот это было бы да!

А может, она уже каталась сама верхом? Нет, не могло этого быть. Не катаются девчонки на лошадях. Боятся... Хотя Светка такая девчонка, что может всем мальчишкам назло взобраться на лошадь.

Вот была бы сейчас Светка рядом, так, наверно, сказала бы, что это за избушка в самом углу двора. Сколько раз смотрел на неё Вовка из окна своей комнаты, но так и не понял, для чего она поставлена! А спросить у отца всё забывал...

Самой интересной постройкой на заставе Вовка считал вольеру для служебных собак. Она не цели-

ком была видна из окна, а только угол загородки из проволочной сетки и две конуры в глубине этой ограды.

Может быть, в одном из собачьих домиков жил знаменитый Хмурый! Лежит себе и ждёт, когда Вовка придёт с ним знакомиться.

От вольеры иногда доносилось глухое ворчание, иногда лай, а чаще нетерпеливое повизгивание. Видел Вовка, как солдаты выводили из вольеры своих собак на длинных сворках. Вовка каждый раз думал, что это выводят Хмурого.

Слева от крыльца, ближе к воротам заставы, стоял гриб-навес. Под ним всегда расхаживал часовой с автоматом на груди.

«А я бы что, не смог ходить с автоматом? — думал Вовка. — Ещё как смог бы! Тут и мочь нечего — ходи да ходи... Светка сунулась бы к грибу, а я ей: «Стой! Руки вверх! Кто идёт?» А она бы: «Да это я, Светка! Не узнал разве? Можно, я автоматом поиграю?» А я бы ей: «Отскочь! Это тебе не игрушка!»

Между озером и казармой Вовка заметил спортивную площадку. Всё как в Армавире, во дворе Колиной школы: и турник, и кольца, и шест, и канат для лазанья, и кожаный конь на четырёх деревянных ногах, и толстое бревно на подставках, по которому можно бегать...

Сейчас площадка пограничников пустовала.

С трёх сторон двор заставы окружён забором. Такого забора Вовка никогда не видел. Он построен из брёвен, поставленных стоямя одно возле другого. Папа, ещё когда Вовка болел, сказал, что такой забор называется частоколом. Через такой забор не то что зверь, но и человек не перелезет.

— И белые медведи не перелезут? — спросил Вовка.

— Что, что? Белые? Белые медведи у нас не водятся. Бурые есть...

— А где же они водятся? — не отставал Вовка. — Ведь на Севере они водятся... Мне ещё Сенька-тюбетейка говорил...

— На Севере-то на Севере. Только подальше. Не на земле, а в океане, на льду... Это ты что-то перепутал...

Вовке обидно стало: значит, не придётся ему повстречаться с белым медведем. Хотя и страшно это было бы, но зато как интересно!

— А какие они, эти... бурые? — недовольно спросил он.

— Вот так и подавай тебе — то белого, то бурого! Поправишься, заходи в красный уголок, там у нас топтыгин живёт!

Ну и напугался же Вовка, когда впервые попал в казарму: стоит топтыгин на задних лапах с оскаленной пастью. Вовка за отцовскую руку ухватился.

Но мишка оказался не мишкой, а просто чучелом, подарком дедушки Матвея. Вовка запросто подходил потом к этому топтыгину и даже за лапу здоровался.

...С четвёртой, западной, стороны никакого забора не было, там было озеро. За озером опять дремучей стеной стоял лес. И хотя озеро было ещё сковано льдом, лес был по-летнему зелёный.

Вовка уже целых шесть зим перезимовал, но такого не видел, чтобы деревья круглый год стояли зелёные. Ведь в Армавире не росли сосны и ели, даже в Третьей роще росли белые акации да лапчатые клёны. Летом они шуршали зелёными листьями, а акации, когда цвели, были белыми от цветов, но приходила осень, и листья начинали желтеть, жухнуть и осыпаться.

Правда, ёлку Вовка видел каждый год, но видел не в лесу или на улице, а в праздничном зале, обвешанную разноцветными лампочками, игрушками и разукрашенную блестящей мишурой и канителью.

Не думал Вовка, что ёлки могут расти вот так просто в лесу, хотя и пел вместе с другими «В лесу родилась ёлочка».

Маленькая, меньше Вовки, ёлочка росла у самого крыльца. Вовке захотелось потрогать её. Он спустился со ступенек и протянул ёлочке руку — давай познакомимся! Но тут же отдёрнул руку — ёлочка оказалась сердитой, будто крапивой обожгла ему пальцы своими иголками.

— Ты чего колешься? — обиделся Вовка.

И тут же услышал за спиной смешок.

Конечно же, это была Светка! Откуда она только взялась?

— Что, получил? — сказала она. — Не ломай ветки... Мы нарочно ёлки посадили, чтобы красиво было.

Вовка даже покраснел от обиды. Разве Светка не видела, что он только потрогать хотел!.. Аж зло его разобрало.

— Ёлка у нашего крыльца, а не у вашего... Значит, наша, а не ваша! Что захочу, то с ней и сделаю...

— Смотрите, начальник выискался! Что захочет, то и сделает! Приехал на готовенькое... А мы эти ёлочки в лесу выкапывали, сажали их осенью... А он: что захочу, то и сделаю... Видали мы таких храбрых!

— Ты лучше отскочь! А то я как возьму да как загну тебе салазки...

— Ух, напугал! Боюсь я твоих салазок... И чего ты, не понимаю, колючки свои выставляешь, как ёлка! Смешно даже...

Вдруг Светка схватила Вовку за рукав:

— Завтра просить меня будешь водиться, да только я тогда ещё подумаю!

— Не дождёшься! — выкрикнул Вовка. — Мы с девчонками не водимся!

У Вовки снова чуть было не сорвалось с языка:

«Отскочь!» — но сам удивился: не хотел он ссориться со Светкой. И дружить ему здесь, кроме как с этой девчонкой, не с кем, да и просто тянуло его к Светке. Тянуло — и всё!

«Ну и что же, что она девчонка? Она что, виновата, что ли, что девчонкой выродилась? Да она и не похожа на девчонку настоящую. Что она — хныкалка? Нет, не хныкалка... Когда на подводе ехали, не поморщилась даже, а когда на лошади ехали, в корзинках...»

Дальше вспоминать Вовке неприятно было, особенно, как Светка поймала его за штаны... Потом эти уколы. Зачем она только пришла тогда и увидала его чуть не голого?

«Суёт свой нос куда не надо... — продолжал думать Вовка, но уже совсем почти не сердясь на Светку. — И ведь девчонка-девчонка, а всё знает... Вот бы пойти с ней сейчас по заставе, и она про всё рассказала бы... Она же, наверное, знает, где сидит Хмурый...» Но, удивительное дело, вместо того чтобы сказать «Идём смотреть Хмурого», он сказал:

— Лучше с Хмурым водиться, чем...

— Ну и целуйся со своим Хмурым! — выкрикнула Светка и решительно зашагала к дому.

Вовке сразу стало тоскливо и одиноко. Он ещё немного потоптался у крыльца и пошёл домой.

— Что такое? — спросила мама. — То рвался на улицу, а то гулять не хочешь?

Рассказывать про ссору со Светкой Вовке не хотелось, но и не пришлось, мама сама догадалась.

— Почему ты со Светкой не хочешь играть? — спросила она.

— Потому что она девчонка, а с девчонками стыдно водиться... — насупился Вовка.

— Что ты говоришь? — как будто удивилась мама. — А знаешь, я ведь тоже была когда-то девчонкой. А папа был когда-то мальчишкой.. Но ты же ви-

дишь, он со мной водится... И никто над нами не смеётся.

Вовка даже рот раскрыл: ему и в голову не приходило, что мама тоже была девчонкой, что девчонками были и тётя Валя, и тётя Лара, и двоюродные Тани — армавирская и московская, — даже бабушка Марфа тоже, наверное, была девчонкой...

— Ну, так почему же ты не хочешь со Светкой водиться? — допытывалась мама. — Откуда ты взял, что с девчонками стыдно водиться?

— Ты же большая... Ты же в куклы не играешь! — нашёл наконец что сказать Вовка.

А мама снова улыбнулась:

— Да, давно уже я не играла в куклы... А с удовольствием поиграла бы, да всё некогда. Сшила бы я Машеньке новое платьице, а надо тебе штанишки и рубашки шить.

— Какой это Машеньке? — удивился Вовка.

— Моей любимой Машеньке... Хочешь, покажу?

Мама сняла со шкафа старенький чемодан и, к великому Вовкиному удивлению, достала из него... самую настоящую куклу, не очень большую, не слишком новую, но в чистеньком пёстром платьице.

Вовке показалось, что кукла с каким-то упрёком посмотрела на маму, а потом сердито покосилась на него.

— Когда-то Машенька умела закрывать глазки... — продолжала мама. — Конечно, ты этого не помнишь, но это ты разучил её открывать и закрывать глаза... Вы, мальчишки, такой народ!..

За обедом Вовка сидел задумчивый, отвечал невпопад, потом неожиданно спросил:

— Па! А ты в куклы с мамой играл?

— Что? В куклы? В какие куклы?

— В куклу Машу, в ту, которая в чемодане лежит. Которая раньше, давно-давно, когда я ещё и

маленьким не был, умела открывать и закрывать глаза.

— Что, что? Какие глаза?

Папа посмотрел на маму, сощурился, он всегда так делал, когда что-нибудь вспоминал.

— Ну как же, как же! Играл... Я с ней водился всегда... Ещё как водился!

После компота Вовка решительно встал из-за стола и сказал:

— Ладно! Я тоже буду со Светкой водиться... Пускай я буду её кукол на своём грузовике катать.

— Правильно, сынку! Я тоже катал эту самую Машеньку на своём мотоцикле... Один раз мы даже свалились в канаву... Помнишь, Маруся, по дороге на Фортштадт?

— Это ты, отец, уже совсем из другой оперы... — рассмеялась мама. — Это было уже потом... Ладно, сынок, бери свой грузовик и отправляйся во двор. Погода сегодня просто загляденье!

— Есть идти во двор! — ответил Вовка. — Только мне жарко в ушанке... Дай мне мою зелёную фуражку...

Маме пришлось перерыть все чемоданы, чтобы найти Вовкин головной убор. Но она знала, что фуражка сейчас просто необходима сыну, и не пожалела времени.

Во дворе Вовка снова прошёлся в зелёной фуражке под Светкиными окнами туда и обратно раз, потом второй раз, третий... Но Светка не показывалась, зато Вовка прекрасно расслышал, что она сказала своей матери:

— Мама! Некоторые мальчишки думают, что если у них на голове зелёная фуражка, так они уже настоящие пограничники! А то они не думают, что новый портфель с книжками ещё лучше фуражки... Вот возьму и буду укладывать в свой новый портфель книжки и тетрадки. Ведь я же не такая

малышка, как Вовка Ключев, мне осенью уже в школу, а ему, этому задаваке Вовке, когда ещё в школу ходить придётся?.. Малышек в школы не принимают!

Что ответила Светке мама, Вовка не понял, а вот то, что у Светки был портфель, да ещё новый, да ещё то, что она могла в него книжки укладывать, а книжки, конечно же, с картинками, так испортило Вовке настроение, что он тут же решил окончательно и бесповоротно, на веки вечные забыть про Светкино существование, а папу попросить, чтобы ему тоже купили новый портфель, в который можно укладывать книжки с картинками.

— Ну и целуйся со своим портфелем! — крикнул он в окно и зашагал прочь.

В самом дурном настроении Вовка завернул за угол казармы и увидал солдат. Они, стоя у длинного стола, чистили оружие.

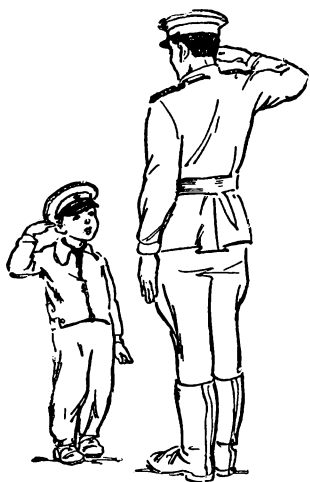
— Смотрите, братцы, пополнение прибыло! — сказал солдат с тремя золотыми нашивками на погонах. — И, видать, не из молодых: головной убор порядком выгорел на солнышке. Да он, наверно, сам сейчас расскажет нам, кто он такой, откуда прибыл... Доложитесь, товарищ служивый!

Как «доклаждаются», Вовка не знал. Он шмыгнул носом и сказал:

— Да я Вовка... Мы с папой приехали...

— Как так — Вовка? — не понял солдат с нашивками. — Разве так докладываются? Рядовой Иванов! Покажите пополнению, как надо солдату докладываться по прибытии в часть!

Солдат Иванов одёрнул гимнастёрку, поправил фуражку, отошёл немного в сторону, потом, печатая шаг, подошёл к сержанту Куликову (да, это и был тот самый сержант Куликов, заядлый рыболов и проводник Хмурого), вскинул ладонь к фуражке и громко, звучно, отчётливо спросил:

— Товарищ сержант! Разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — решил сержант и сам вскинул ладонь к фуражке.

— Товарищ сержант! Рядовой Иванов согласно приказу прибыл во вверенное вам подразделение для дальнейшего прохождения службы!

— Слыхал, товарищ Вовка, как надо докладывать начальству? — спросил сержант. — Вот ты и доложишь как полагается.

Вовка, что говорить, смутился, но крепко всё запомнил. Он был человеком не робким: быстренько отбежал в сторонку, локтями поддёрнул штанишки под курткой, подошёл к сержанту, шлёпнул туфлей об туфлю, отдал честь и крикнул:

— Рядовой Вовка Ключев согласно прибыл во вверенное и для прохождения!

Дальше всё пошло не по-военному. Солдаты рассмеялись, сержант подхватил Вовку и швырнул под самые облака. Вовка расхрабрился и, когда сержант поставил его на землю, спросил:

— А можно будет мне играть с Хмурым?

Сержант только руками развёл и сказал солдатам:

— Честное слово, товарищи, в первый раз вижу человека, который добровольно желает поиграть с моим пёсиком!

Вовка хотел сказать сержанту, что он давно уже хочет иметь настоящую пограничную собаку, но тут солдат позвали на занятия, и Вовка остался один во дворе, не считая часового. Попробовал Вовка спро-

силь у часового про Хмурого, но часовой и внимания на него не обратил, в другую сторону отвернулся. Вовка решил, что часовой не расслышал, и хотел даже подёргать его за рукав, но тут самого Вовку сцапала за рукав Светка и потащила прочь от часового.

— Ты что? Вовсе маленький! Не понимаешь, что он на посту. Разве с часовым можно разговаривать? Не положено. Часовой есть лицо неприкосновенное. И если кто к нему без разводящего подходит, так он может даже выстрелить!.. Пойдём лучше к нам играть.

Вовка изо всех сил вырвал руку, и, наверное, они бы не помирились, если б не подошёл к ним Вовкин папа:

— Что тут у вас за сражение?

— Ой, дядя Боря! То ему с Хмурым хочется играть, а то к часовому без разводящего идёт и начинает разговаривать!.. Совсем, совсем не знает устава...

— Непорядок. Ты давай, сынку, по уставу, не подводи батьку!

— Я его зову играть, а он заладил одно — с девчонками не вожусь! А с кем он тут будет водиться? С кем, когда нас всего два человека детей на заставе?

— Ладно... Буду по уставу. И буду с тобой водиться... Только дашь мне поносить новый портфель с книжками!

— Хорошо... — согласилась Светка, — при мне будешь носить. По комнате... Идём!

РЫБАК РЫБАКА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

Светке удалось было затащить к себе Вовку, но тут из казармы вышел сержант Куликов с пустым ведром и пешней-коловоротом. Сержант отправлял-

ся на рыбалку. Вовка вырвался из Светкиных рук и подбежал к Куликову.

— Ой, вы на рыбалку?

— Так точно, товарищ рядовой Вовка Ключев! Выдалось свободное времечко. Надо не пропустить последние деньки: через недельку на лёд уже не спустишься. А ты что? Тоже рыбачок?

— Ага! Я в Армавире с двоюродным Колей на Кубань ходил. Мы усачиков и пескарей ловили. И ещё сазанчиков. А один раз я чуть-чуть не поймал вот такого голавля...

— Какого такого?

— А вот такого... — Вовка всё ж не на весь размах развёл руки: поскромничал.

— Верю, теперь верю, что ты рыбачок!.. — улыбнулся сержант. — Не так уж важно поймать рыбу, важно по-нашему, по-рыбацкому, показать, какая она была... Верно, Вовка?

— Верно! А можно мне с вами?

— Почему нельзя? Спроси дома разрешение — и точка. Скажи, что с Куликовым... А я для тебя лунку подготовлю.

Вовка, забыв про всё, бросился разыскивать отца, и Светка за ним. Разрешит или не разрешит?

— Всё понятно! — сказал отец. — Рыбак рыбака видит издалека! Последний лёд пропускать грешно. Я сам тебя провожу. Подожди, отдам необходимые распоряжения...

Вовка нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока отец разговаривал со своим заместителем, Светкиным отцом.

— Вы плуги осмотрели? — спрашивал начальник заставы.

— Так точно, товарищ старший лейтенант. Весь инвентарь осмотрен. Плуги, бороны в полном порядке. Хоть завтра пахать и боронить.

— Добро... Как просохнет, так и начнём. Ещё

лошадей проверьте. Не замечали, Гнедой на левую переднюю припадает? Может, перековать надо... Ну, с отчётом вечером займёмся. А сейчас своего на лёд переправлю, к сержанту. Пускай привыкает по-серверному жить!

— Я тоже хочу на лёд,— сказала Светка, ухватив своего папку за руку.

Ну, сейчас Светкин отец ей задаст: «Это не для девчонок занятие, иди в куклы играй».

— Иди рыбачь,— сказал вместо этого Светкин отец.— Только оденься по-зимнему. Пальто, валенки, шапку. А удочка у Куликова найдётся...

— Ну что? — крикнула Светка Вовке.— Думал, без меня? Дудки!

Пока мама одевала его, Вовка думал о разговоре отца со своим заместителем. Что такое пахать и боронить, Вовка знал: он ездил с дедушкой в станицу Владимирскую, где раньше жил дедушка и где у Вовки нашлись ещё дедушка и бабушка, тёти и дяди. Одни называли его внучком, другие — племяшом, а третьи звали браткой... Вот там и видел Вовка, как пахали огороды плугом. Плуг тащила пара быков красной масти. Потом быки же таскали по пахоте бороны с острыми стальными зубьями. После бороны земля становилась пушистой и ровной...

«А, значит, и тут огороды и быки? Надо поглядеть! Порыбачу, а потом туда попрошусь...»

Когда Вовка был одет совсем по-зимнему, отец достал из чулана ящик с разным рыбацким припасом. В нём, кроме маленьких зимних удочек, Вовка увидал железный черпак с дырочками (такой же штукой мама достаёт из кастрюли пельмени и вареники), а ещё небольшую палку с крупным рыболовным крючком на конце. Зачем нужен черпак и крючок, Вовка не стал спрашивать: скорее на лёд, а там сам всё увидит!

Светка, одетая, ждала у сходней на лёд. Вовкин

папа сначала перенес на озеро ящик, потом подхватил Вовку и Светку и тоже переправил на лёд.

Куликов сидел на дощечке, положенной на ведро, в руке у него коротенькая удочка, кончиком её он беспрерывно подёргивал леску. От этого где-то там, подо льдом, у самого дна, словно живая рыбка, металась из стороны в сторону маленькая блёсенка. Внезапно кончик удочки вздрагивал, Куликов делал резкую подсечку и начинал ловко тащить добычу на лёд, подхватывая леску то левой, свободной рукой, то кончиком удочки — пока из лунки не вылетал полосатый окунь.

— Идёт дело? — спросил Вовкин папа у сержанта.

— Идёт, товарищ старший лейтенант. Сажайте сына вот на эту лунку, рядом со мной... А ты, Света, ловить пришла или болеть за Вовку?

— Ловить... Только у меня удочки нет.

— Нашего полку прибыло, — засмеялся сержант, положил свою удочку у лунки и принялся разматывать вторую. — Вот тебе удочка, вот тебе лунка, а рыбацкое счастье — это уж от бога и от умения.

Отец быстро размотал удочку, потёр блёсенку об голенище Вовкиного валенка и бросил её в лунку.

— Ну, вот, учись, сынку... — сказал он Вовке. — Леску распускай до тех пор, пока блесна не ляжет на дно, потом немного подбери её, чтобы блесна играла чуть повыше дна, и начинай ловить. Поклёвку сразу услышишь. Садись на ящик и подёргивай удочкой, как сержант, а я просверлю ещё две-три лунки. Рыбака кормит новая лунка — ясно?

Пока Вовка усаживался и принаравливался к удочке, отец принялся сверлить коловоротом лёд чуть подальше от старых лунок. Вот здесь ему и понадобилась «поварёшка» — черпаком с дырочками он стал выгребать ледяную крошку из просверлённой лунки, чтобы она не мешала ловле.

— А ледок того уже... — сказал отец Куликову. — Два-три дня — и всё... Потом до сыроводья будем ждать.

Вовка даже засопел, как ёжик, когда отец дал ему маленькое удилище из можжевельника. У него так дрожали руки, что блёсенка где-то у самого дна затрепетала, как живая рыбёшка, и первый Вовкин окунь, не выдержав, бросился на неё. Вовка почувствовал, что удочка затряслась, заходила, будто кто-то утягивает её у него из рук, и совсем растерялся.

— Ну что ж ты, сынку! Подёргивать надо... — сказал отец.

Вовка попытался было приподнять кончик удилища, как делал это Куликов, но удилище, точно живое, вдруг вырвалось у него из руки и стало торчком в лунке — вот-вот скроется подо льдом!

— Хватай! Лови! — крикнул отец.

Вовка протянул руку к удочке, но едва коснулся её пальцами, как она проворно, рыбёшкой, юркнула в тёмную воду и уже больше не показывалась. Всё. Конец.

— Что, рыбачок, прохлопал удочку? — от всей души смеялся отец, глядя на Вовкино перепуганное лицо.

— Эх, ты, прохлопал...— засмеялась и Светка и тут же замолчала и попятилась от своей лунки, точно увидела какое-то чудище-страшилище.

Но показалось не чудище, показалась... Вовкина сбежавшая удочка.

— Это моя... Моя удочка!

Сорвавшись с ящика, Вовка помчался к Светкиной лунке, схватил беглянку и давай, отступая от лунки, тащить. Ему казалось, что час тащит, что сто вёрст тащит,— и вот на лёд вылезло действительно окунище полосатый, огромный, страшный! Таких ещё не было ни в папиных уловах, ни среди куликовских окуней.

И Вовка и Светка, оцепенев, смотрели на рыбину,— та лежала у лунки, беззвучно открывая и закрывая рот, шевеля жабрами. Но стоило окуню хвостом шевельнуть, как Вовка подскочил к лунке и плюхнулся на окуня грудью.

Сержант посмотрел на начальника заставы:

— Теперь всё! Этого окуня ваш сыночек на всю жизнь запомнит. Будет всегда с удочками в обнимку, как солдат с ружьём!

БЕЛЫЕ НОЧИ

Прошло немного времени, и получил Сенька-тубетейка письмо от Вовки. Ничего-то он не понял в том письме. Подумал, что у дружка или температура снова поднялась, или он рисовать разучился. А то и того хуже: заврался! В том письме нарисован небольшой человечек, стоит прямо на воде и короткой удочкой из-под ног откуда-то рыбу вытаскивает. Рядом с чудным рыбаком стоит ящик или сундучок (тоже на воде), и добычу рыбачок бросает прямо на воду, и рыба никуда не девается... Чудеса! Сказки. А попросту — враньё.

И хоть бы маленький человечек один бы так ловил — так нет, рядом сидят большие дяденьки и тоже...

Взял Сенька-тюбетейка Вовкино письмо-рисунок и пошёл к двоюродному Коле: что это такое?

— Ни чудес, ни вранья тут нет, — ответил двоюродный Коля. — А на сказку похоже. Это вовсе не вода, а лёд. Пробивают во льду дырку-лунку и через неё ловят... Верно, брат, как в сказке! Когда меня призовут в армию, на Север буду проситься. Там сплошные чудеса. Вот смотри — всё на картинке видно?

— Всё, — подтвердил Сенька.

— Как днём?

— Как днём...

— А на самом деле они, может, ночью ловят! У них же там белые ночи, самое начало, а скоро солнце совсем перестанет садиться... География, брат, — серьёзное дело!

Что такое белые ночи, Коля толком не объяснил, некогда ему было.

— У меня экзамены на носу... Поживёшь с моё, поучишься столько, сколько я, тогда и узнаешь, а сейчас отскочь!

А вот если бы у Коли не экзамены на носу, да если бы он побывал уже в армии, в заполярной части, то он бы рассказал, что такое белые ночи, и тогда не получилось бы у Сеньки под тюбетейкой затемнения. А то Сенька так решил: раз белые ночи, значит, всё становится белым. Земля — белой, точно снова её снегом покрыло, в речках вместо воды вроде как молоко течёт, молоко и в озёрах застыло, деревья в лесу от цветов стали белыми, как яблони весной в армавирских садах или акации... Пограничники все до единого в белые маскировочные халаты вырядились, собаки и лошади на ночь точно седеют, хаты... Впрочем, Сенька иными хат, как белыми, вообще не пред-

ставлял себе: ведь он вырос на Кубани, где все хаты белятся извёсткой.

Вовка по дороге на Север тоже слышал о белых ночах и тоже представлял их себе по-Сенькиному, а на самом деле всё не так. Белые ночи — это просто светлые, прозрачные ночи. О них и рассказать трудно, а нарисовать белую ночь, наверно, ещё труднее...

Белая ночь...

Всё, что тебя окружает — дома, деревья, небо, земля, вода, — за долгий день будто так пропитается солнечными лучами, что потом, когда солнце на час-другой скроется за верхушками деревьев, всё само начинает светиться мягким-мягким светом.

И если в Москве, например, в середине лета «заря с зарёй сходится» (вечерняя заря ещё не погасла, а утренняя уже разгорается), то, начиная от Ленинграда, к северу в летние белые ночи можно спокойно сидеть во дворе и книжку читать, можно рыбу удить — и каждое вздрагивание поплавка увидишь! И чем севернее, тем раньше начинаются сказочные белые ночи.

Сказочные — это я не просто для красоты!

Мне вот, например, пожившему в Заполярье, думается, что северяне свои сказки сочиняли именно в такие ночи. А сказок у северян много. Правда, другие возражают: сказки свои северяне, мол, сочиняют как раз зимой, когда не то что белых ночей не бывает, а и самого дня нету, и солнце месяцами на небе не показывается, и вместо него по небу гуляют сполохи северного сияния...

Ну да рассказ не обо мне, давайте лучше посмотрим, как наш Вовка привыкал к белым ночам.

Хотя Вовка и не сразу попал в белые ночи, а постепенно в них входил, но привыкнуть к ним не мог. Пока он болел, он больше спал, а когда спишь — ничего не примечаешь. А вот стал Вовка поправляться...

Как-то открыл Вовка глаза среди ночи, и показалось ему, что проспал он важнющие дела, что Светка уже давно во дворе, или в лес пошла, или подалась на заимку к бабушке Марфуше пить парное молоко. Вскочил Вовка с шумом-пыхом и отца разбудил.

— Ты чего, сынку? Пить захотел или ещё чего?

— Да нет,— чего это вы разоспались, уже день давно. Я на улицу пойду.

— Какой там день! Если б день, разве я спал бы? Сейчас полночь, сынок... Это пришли к нам белые ночи. Спи...

— Ставни на окна надо приделать, как на Кубани,— сказала мама сонным голосом.— Закрыв ставни— и будто бы нормальная ночь. Или завешивать окна... Не привыкну я, что ночь белая!

— Придётся привыкать. Я тоже поначалу среди ночи вскакивал, теперь ничего... Скоро солнце и вообще садиться перестанет... А ставни, Маруся, на заставе не положены. Надо в любую минуту видеть, что там за окном. Спать давайте, а то завтра у нас пахота...

Вовка снова улёгся и покрепче закрыл глаза. А когда открыл их, то был самый настоящий день: мама гремела посудой на кухне, а папы уже не было дома.

— Ну вот, проспал... Уехали на пахоту!

А вдруг ещё не уехали? Он вскочил с постели, умылся без всяких приказаний, поел без «не хочу» и выскочил во двор. Конечно, Светка была уже на ногах. Она катала в его грузовике всех своих кукол.

— Угадай, куда я сейчас поеду? — крикнул Вовка.— Огород пахать, вот куда!

— Какой такой огород? — подняла реденькие брови Светка.— Ты что — опять заболел?

— «Какой, какой!»! Какие огороды бывают? Папа говорил, что с утра будут пахать!

Сказал задиристо, а всё ж с опаской глядел на

Светку — она ведь тут все порядки знает, не поймёшь, чего от неё ожидать.

Так и вышло!

Светка фыркнула и сказала куклам:

— Посмотрите, люди, на этого чудака! Огород собрался пахать! КСП они поехали пахать, а не огород. Понятно тебе? КСП...

— Какую кеспе?

— Контрольно-следовую полосу, вот какую! КСП называется. Они давно уже уехали, когда ты второй сон смотрел.

— И Куликов уехал? — Голос у Вовки совсем упал.

— И Куликов! Он не пахать поехал, он в наряд ушёл, на охрану границы...

— И Хмурого взял?

— А то как же? Он всегда его берёт...

— А ты... ты видела эту полосу?

— Чего там смотреть! Полоса как полоса... Это же на самой границе, понимаешь? Туда только солдаты ходят.

— А падут её зачем? — всё расспрашивал при-
смиривший Вовка.

— Чтоб нарушителя цапнуть. Если кто пройдёт по этой самой полосе, так сразу след останется. Понял? Потому она контрольная, потому следовая. Не перелетит же он через неё по воздуху?

— Кто не перелетит?

— Да нарушитель же! Ох и непонятливый ты... Ну смотри, вот как идёт КСП...

Светка взяла щепку, прочертила на земле длинную бороздку, потом отошла от неё шагов на пять и прочертила вторую.

— Вот попробуй перейди на ту сторону так, чтобы следочка не осталось!

Вовка и пробовать не стал: ясно, что не перейдёшь без следов... А всё ж не хотел сдаваться:

— А я там перейду, где полосы этой нет...

Светка аж за бока взялась:

— А ты поищи, поищи такое место. Борода вырастет, а не найдёшь. Везде полоса. Там, и там, и там. А нету, где граница по озеру или по болоту... Так её всё равно на берегу вспашут, на нашей земле!..

— Значит, шпионы нигде пройти не могут? А как же их тогда ловят... Ты-то видала хоть одного шпиона?

Вовка думал, что Светка скажет: «Сколько хочешь».

Но она сказала:

— Нет. Ни одного. Ни вот такусенького.— Света показала полмизинца.— Зато я знаешь что видела? Пойдём, покажу...

Светка, по своей привычке, схватила Вовку за рукав и потащила к воротам заставы. До того разгорячилась — грузовик с куклами оставила у крыльца!

Почти сразу же за воротами начинался лес. Только теперь он был не таким, каким его видел Вовка по дороге на заставу. Ели и сосны зелёные, как и тогда, стволы берёз белые, осины зеленоватые, но ветви на них стали какими-то мохнатыми, живыми.

— Смотри... — прошептала Светка, показывая на берёзку у самого забора заставы.— Видишь?

— Вижу... — так же шёпотом ответил Вовка, увидав на ветках берёзки крохотные светло-зелёные листочки.

Если Светка смотрела на деревце молча, точно боясь, что молодые листочки могут сорваться с веток, как птичья стая, и улететь, то Вовка и вовсе затаил дыхание: ведь он впервые прикоснулся к великой лесной тайне — увидел ожившую по весне берёзу.

— Теперь начнётся лето... — сказала Светка снова шёпотом.

А потом всё громче, нараспев, стала выкрикивать:

— Начнётся лето! Лето! Лето!

И Вовка, забыв про то, что он не девчонка, следом за Светкой стал, подпрыгивая, выкрикивать:

— Лето! Лето! Лето!

И обоим им показалось, что молодая берёзка, опоясанная по белому стволу коричневатými лентами, стала вместе с ними выкрикивать:

«Лето! Лето! Лето!»

ЛЕТО ПРИШЛО!

И полетело в Армавир новое письмо Сеньке-тютетейке. И конверт на этот раз был потолще: не один рисунок, а почти целый десяток!

На первом рисунке берёзка — та самая у ворот заставы берёзка, что первая принесла весточку о заполярном лете. Под берёзкой два человечка. Один в зелёной фуражке, и Сенька, конечно, догадался, что это за личность. А второй человечек так хитро нарисован, что не разбери-поймёшь, кто это — мальчик или девочка! Человечек стоял за большим валуном, только плечи и голова видны, а Вовка схитрил — не нарисовал ни косичек, ни бантика в косичке, — прямо-таки загадочная картинка!

Впрочем, напрасно Вовка мудрил: ведь Светка не в юбочке разгуливала по заставе и в лесу, а в таком же лыжном костюме, как и Вовка. Только у Вовки костюм коричневый, а у Светки красный. И носили они лыжные костюмы не потому, что было холодно, а потому что вместе с летом, вместе с теплом и цветами появились — здравствуйте пожалуйста! — комары-комарики!

Что такое комары, Вовка знал: бывало, что и в Армави́ре они налетали по вечерам, особенно на рыбалке. Но что их может быть миллион и ещё миллион, Вовка и не предполагал.

— Если бы переловить всех комаров вокруг заставы,— сказал Куликов,— так на каждого вашего армавирца по ведёрку досталось бы... Да на заставе ещё ветерок иногда гуляет, а комар ветра не любит. Что же говорить про лесное болото? Там по мешку на каждого насберёшь, если бы нашёлся любитель!

Лыжные костюмы тоже не спасали от этих кровопийц-разбойников. Ребята то и дело хлопали себя ладонями по шее и щекам или отгоняли комаров берёзовым веником.

Северяне даже особые дымокуры придумали, чтобы с комарами воевать. Это такие глиняные горшочки на верёвочках. В горшочках тлеют сухие гнилушки и нещадно дымят. Ходят бабушка Марфа и дедушка Матвей с такими дымарями и помахивают ими да ещё смеются: как поп с кадилом. Не любят дыма комары, но от людей далеко не отлетают: а вдруг погаснут гнилушки!

Достаётся от комаров летом и солдатам-пограничникам: они вынуждены, уходя на охрану границы, на головы надевать накомарники, сплетённые из волос густые сетки. А спят под пологом из марли. Вовка тоже спал под пологом. Он и в накомарнике пробовал ходить, но не выдержал: очень уж жарко под сеткой и не видишь ничего!

В середине лета папа привёз из отряда несколько бутылок с жидкостью против комаров. У жидкости было длинное — язык сломаешь! — название: диметилфталат, и то ли название, то ли едучий запах этой жидкости не нравился комарам: если какой храбрый комарик и садился на шею или руки, то тут же с писком улетал прочь. Солдаты сбросили накомарники и облегчённо вздохнули: не очень-то удобно сидеть в секрете с сеткой на лице!

Но это было потом, а пока Светка с Вовкой и ладонями били себя по шее и щекам, и ветками обмахивались, и спали под пологом...

Да, но вернёмся к Вовкиным рисункам.

На втором листке нарисован солдат с собакой на поводке. Конечно, это сержант Куликов со своим «пёсиком» Хмурым. А пёсик выше стола. Наверно, когда Сенька рассматривал этот рисунок, то даже головой покрутил: не собака, а целый лев!

Не знал Сенька, почему Вовка нарисовал Хмурого таким гигантом. Да потому, что таким он ему показался при первой встрече.

Как-то выскочил Вовка из дому. Светки во дворе не было. Постоял, постоял он у своего крыльца и от нечего делать пошёл бродить по заставе. Солдат у казармы не было, они занимались боевой подготовкой. Пошёл на конюшню — тоже никого. Лошади уже почищены, стоят и жуют скошенную траву. Можно было бы пойти на кухню к Ивану Ивановичу, но Вовка только из-за стола. Мама готовила сегодня вареники с творогом (творог принесла накануне бабушка Марфа), и Вовка наелся так, что дышать было трудно. А Иван Иванович заставит хотя бы кружку холодного компота выпить, а то сунет кусок с коровий носок мягкого хлеба с повидлом... К Ивану Ивановичу лучше попозже, когда завтрак порастрясётся...

И тут вдруг Вовка увидел Куликова с Хмурым на поводке.

— Куликов! — закричал Вовка и бросился к сержанту.

Но не успел он пробежать и пяти метров, как Хмурый с рычанием рванулся к нему навстречу.

Это было так неожиданно для сержанта, что он чуть не выронил поводок.

У Вовки сразу пропала охота знакомиться с Хмурым. Он попятился от него, зацепился за что-то каблуком и хлопнулся о землю. С перепугу Вовка не расслышал, что сказал сержант своему псу. Хмурый отвернулся от Вовки и прошёл мимо, даже не посмотрев на него. Зато Куликов строго сказал:

— Вот что, парень, чтобы ты от моей собачки на сто вёрст держался... Это тебе не щенок и не дворовый Шарик... Понятно?

— Понятно... — Вовка не решался подняться с земли. — Я же... только погладить...

Куликов увёл Хмурого. И тут Вовка заметил Светку на крыльце их дома. Нет, она не смеялась. Она очень серьёзно смотрела на него:

— Я тебе что говорила? Всё не верил...

Что мог ответить ей Вовка? Он молча поднялся и побрёл к своему крыльцу, но тут Светка опять стала Светкой, схватила его за рукав и предложила:

— Ладно, хоть не тяпнула за руку! Давай-ка на заимку пойдём, к бабушке Марфе. А по дороге цветов нарвём. Там ромашек одних — тысячи!

Вовка помолчал, всё ещё приходя в себя, потом сказал:

— Ладно уж, пристала... Пойдём. А цветы зачем?

— Узнаешь. Иди скажи маме, что пойдём на заимку. Скажи, что мне мама разрешила.

...Дальше — третий рисунок. Ох, нелегко нарисовать-рассказать, как ходили в гости к бабушке Марфе и дедушке Матвею.

Ведь всё не нарисуешь. Всех птиц, всех букашек, все облака, что они со Светкой видели, когда собирали букеты лесных цветов. Но вот нарисован мостик через ручеёк, а на мостике — опять два человечка в лыжных костюмах. Один в коричневом, другой в красном. И опять нельзя понять, кто в красном костюме — мальчик или девочка?

А то, что цветы у них в руках такие крупные, так это не выдумка. На Севере лето не такое длинное, как в Армавире, и всё торопится поскорее отцвести и принести плоды, чтобы плоды эти успели созреть до заморозков и на свет появилось на будущий год потомство. Солнца надо побольше впитать, и каждое растение старается, чтобы цветы у него были

покрупнее. На Севере ромашки чуть не в ладонь величиной! И всё тянется к небу, каждая травинка старается вырасти поскорее да повыше соседки — побольше солнечных лучей перехватить!

Давно ли Светка показывала Вовке первые листочки на берёзе? А через неделю уже все берёзы и осины, да и все другие деревья и кусты, полный лист выбросили и лес наполнился таким птичьим гомоном, что даже не слышно стало, как ручьи шумят. Ожилились пчёлы, на радость дедушке Матвею Спиридоновичу, и полетели во все стороны пыльцу собирать, в ульи таскать да на мёд её перерабатывать.

Цветов не было только там, где густо росли осины и ели.

— Зато здесь тьма-тьмущая черники. Знаешь, Вовка, мы за один раз по ведру набираем! А по кочкам клюква, брусника, а ещё морошка... Когда первый мороз будет, тогда она сладкая-сладкая, как мёд!

Они шли по мостику через ту самую Бешенку, в которой Вовка весной выкупался. На картинке и водопад нарисован...

На самом деле водопад, конечно, не рядом с мостом бушует, а немного ниже, но Вовка нарочно нарисовал его поближе к мосту, чтобы Сенька знал, как здесь реки текут. Сейчас вот, летом, когда снега стаяли даже по глубоким лесным оврагам, Бешенку можно без всякого моста перейти, по камням перебраться на другой берег, а в разлив без мостка её не перейдёшь!

Ребята так увлеклись тогда, рассматривая с моста водопад и сновавшую по дну реки меж камней серебристую форель, что и не заметили шагнувшего на мост дедушку Матвея.

— Вы что, ребятки, не к нам ли на заимку? Или просто так прохаживаетесь?

— На заимку,— ответила Светка.— Мы бабушке Марфе цветы несём, вон сколько нарвали!

— Молодцы, однако, что нас, стариков, не забываете. А бабка-то точно чуяла, что гости будут: пышки печёт... А пышки, однако, с медком хороши. Сходим поначалу на пасеку, а потом и на займку...

Пасека дедушки Матвея была неподалёку: на половине пути от моста до займки. На небольшой поляне рядками были расставлены десятка два домиков-ульев, тут же бревенчатая избушка с пристройкой. В избушке дедушка хранил весь свой пчеловодческий припас, а на зиму заносил в избушку ульи. В пристройке же стоял столярный верстак, на котором дедушка Матвей мастерит ульи и рамки для сот. Здесь приятно пахло смолой, лесом и воском. Тут же выстроились в шеренгу бочонки под мёд, а ещё Вовка заметил металлический бак с большой ручкой.

— А это какая машина? — спросил Вовка.

— Это центробежная машина, да, деда? Она мёд выкачивает, — ответила за хозяина всезнайка Светка.

— Верно, однако, — подтвердил Матвей Спиридонович.

— А куда вы потом мёд деваете? — заинтересовался Вовка.

— В эти вот липовые бочки сливаем... — ответил дедушка.

— А откуда бочки берутся?

— Сам мастерю, не покупать же. Избы сам рублю, полы сам стелю, крыши сам крою, сам сети вяжу, ими рыбу ловлю, сам корзины плету, в них рыбу кладу, сам дробь катаю, сам дичину добываю, а ко всему этому — лес охраняю и пограничникам помогаю! Вот я какой дед! А бабушка шьёт и вяжет, полы подметает и бельишко стирает, обед готовит, коровёнку доит, уток и кур кормит, поросят растит, на огороде копается, грибы, ягоды до дела доводит... У неё работы, однако, больше, чем у меня, всю её работу и не перескажешь... Вот такая у вас бабушка!

— А у меня дедушка в Армавире, а бабушки по-

чему-то нет... Она почему-то умерла... — сказал Вовка.

— А у меня есть бабушка, а дедушка тоже умер... — сказала Светка.

Дедушка Матвей задумался...

— Когда старые умирают — тяжело, — наконец сказал он, — а когда молодые гибнут...

Он не договорил, заторопился, надел на седую свою голову шляпу с большими полями. К этим полям была прикреплена сетка вроде накомарника. Но не такая частая...

— Вы, ребята, в избе посидите, — сказал он, — чтобы вас ненароком пчёлы не тронули, а я мигом... Посмотрю, какой взяток у пчёлок. Сейчас самая у них страда, трудятся, почитай, круглые сутки... Всё цветёт. Только поспевай собирать медок да заполняй соты...

Дед разжёл дымокур и вышел на пасеку.

Вовка и Светка прилепились носами к стёклам окна. Как это дедушка Матвей будет взяток проверять! Ведь с пчёлами шутить нельзя — они кусаются. Но вот дедушка осторожно снял крышку с одного улья, раздул мехом в дымокуре огонь и направил струю дыма прямо в открытый улей.

— Поджигает! — охнул Вовка.

— И вовсе не поджигает... Значит, так надо, молчи и смотри, — рассердилась Светка: она и сама не знала, зачем надо пускать в улей дым.

Обкурив пчёл, Матвей Спиридонович стал осторожно, одну за другой, вынимать из улья рамки, затянутые сотами и облепленные гроздьями пчёл. Посмотрит рамку с одной стороны, посмотрит с другой и поставит на место. Какая-то из рамок понравилась ему больше других, и он, осторожно стряхнув пчёл в улей, положил рамку в таз, а новую раму, затянутую вощиной¹, вставил в улей на место вынутой.

¹ Во щ и н а — искусственная основа для сот. Делается из воска.

— Ну, ребяташки, вам повезло! — Дедушка Матвей опустил на дощатый стол таз, в котором лежала рамка с мёдом. — Теперь дело за бабкой. Подавай пышки!.. Идёт взятки, хорошо работают пчёлки, будем с медком...

— А зачем на них дымить надо? — спросила Светка.

— Чтобы смирнее стали, — ответил дедушка Матвей и широким ножом вырезал из рамки залитые мёдом соты, разрезал их на куски и сложил в тазик.

Он задумчиво смотрел, как медленно стекал мёд из разрезанных ячеек, и неожиданно рассмеялся. Чего это он в тазике выглядел смешное?

— Однако, ребяташки, моя победа! Я выпорил...

— Что выпорил, дедушка Матвей? — в один голос спросили и Светка и Вовка.

— Вот это!.. Пасека, мёд... Так было: замыслил я пчёлку в этих местах разводить и в Россию за ними подался, а меня нá смех: дескать, из ума старик вышел, не станет здесь, в этой суровости природной, пчела водиться... Либо в момент пропадёт, либо не перезимует, а уж мёду от них, говорили, ты, старый, получишь ноль без палочки!.. Ан, дождался!.. — Дедушка Матвей бородой показал за окно. — Сколь привёз я из России? Всего три колоды. А сейчас их сколь? Двадцать три. Поначалу, почитай, мешок сахару им скормил, а ныне они за труды мои бочки мёдом заливают... Нет, труд никогда не пропадает... Раньше в Заполярье и огородов никто не разводил, а

посмотрите, что бабушка Марфа на огороде растит... Однако нам пора, а то пышки остынут...

Бабушка Марфа и верно будто знала, что гости нагрянут: на небольшом деревянном блюде горкой лежали только-только вынутые из печки пышки. Круглые, в пузырьках масла, румяные и без мёда просились в рот, ну а с мёдом...

— Вы уж, ребятки, от полной души ешьте... — потчевала бабушка Марфа. — Медок из сот высасывайте, а воск на блюдечко складывайте. Опосля ещё молочка холодненького попьёте... А цветы ваши — спасибо, родненькие, — я в ведёрко с водой поставлю, а потом Васе отнесу...

Вовка хотел было спросить, какому Васе отнесёт цветы бабушка, но рот был у него занят, а оторваться от мёда и пышек он был не в силах. В жизни ещё не едал ничего вкуснее! Раньше, когда его спрашивали, что он больше всего любит из еды, он отвечал: «Вареники с сыром!» — а теперь, пожалуй, станет добавлять: «Горячие пышки с мёдом!»

Молока ребята еле выпили по полкружке.

— Спасибо, бабушка Марфуша и дедушка Матвей! — поблагодарила Светка.

— Спасибо... — еле выговорил за ней Вовка.

— На здоровьишко, на здоровьишко, ребятки... — сказала бабушка. — Айдайте к умывальнику, а то вас пчёлы с заимки не выпустят, а через лес пойдёте — медведиха сцапает... Она охоча до медку. Ну-ну, это я в шутку! А вот этот кувшинчик отнесите мамам, пусть и они свежего медку отведают.

...Вот про этот поход на заимку Вовка и нарисовал все остальные картинки в своём письме. Рисовал и вспоминал, как Сенька его Севером пугал: «Ты думаешь, там мёд? Да?»

Оказалось, что на Севере и мёд есть, да ещё какой!

ПОЧЕМУ НЕ ЛОВЯТСЯ ШПИОНЫ

Выходит, ко всему можно привыкнуть! Боялась Вовкина мама, и Вовка боялся: наступит круглосуточный день и они не смогут спать. Но вот он пришёл, этот сплошной день, и в любой час суток, при хорошей погоде, на ясном небе можно было видеть солнце, а распорядок на заставе не переменялся. Всё шло своим чередом, будто при обычном дне, при обычной смене дня и ночи.

Как всегда, перед уходом в наряд выстраивались солдаты перед дверью казармы, как всегда, в полной тишине Вовкин отец зачитывал перед строем:

— «Приказываю выступить на охрану границы Союза Советских Социалистических Республик...»

И солдаты, уходившие на охрану границы в первый раз, и солдаты, уходившие в сотый, а кто и в тысячный раз, выслушивали приказ в торжественном молчании, стоя по команде «смирно».

Замирал по стойке «смирно» и Вовка, и даже Светка опускала руки по швам.

Сутки на заставе начинались не в двенадцать часов ночи — так живут в Армавире или в Москве, — а в восемь часов вечера, или, как говорят военные, в двадцать ноль-ноль. Они начинались с этого короткого, волнующего приказа, когда новый очередной наряд уходил на границу...

Бессменно охраняло границу только солнце. Утром над верхушками деревьев — на востоке, в полдень — над воротами заставы, вечером — отражённое в зеркале озера, а глубокой ночью — над крышами склада, кухни и конюшни на севере. Таков был путь солнца... В полночь оно опускалось пониже, чтобы по привычке сесть, но вспоминало, что не время, что стоит полярное лето, и снова начинало подниматься, чтобы сделать новый круг по небу.

Вовка ещё никогда не видел ночного солнца.

— Ночь есть ночь,— говорил отец,— и детям ночью положено спать.

Но вот однажды... Однажды Вовка проснулся от шума в комнате и сел на кровати. Отец торопливо одевался. И минуты не прошло, как он был уже одет по всей форме.

— Что случилось, Боря? — шёпотом спросила мама.

— Тревога! Дана команда «застава в ружьё», — тоже шёпотом ответил отец. — Значит, что-то случилось на границе. Скорее всего, дозорные обнаружили след...

— Чей след? Шпиона? На КСП? — спросил Вовка.

— Проснулся? — повернулся к нему папа. — Смотрите, разбирается уже!

У крыльца слышались быстрые шаги, и папа выбежал за дверь. Вовка немедленно выскочил вслед за отцом. Никакой суматохи на заставе не было. Солдаты-пограничники строились перед казармой напротив ворот. Куликов держал на длинной сворке нервно повизгивающего Хмурого. Они первыми выбежали за ворота заставы, как только была дана команда на преследование нарушителя. За ними убежали остальные. Вовкин отец торопливо зашагал в дежурку — особую комнату в казарме, — где стоят телефоны и радиоаппаратура, где неотлучно находится дежурный по заставе. Во дворе остался только часовой под грибом. Он спокойно посматривал по сторонам, положив руку на приклад автомата, висящего на груди.

Сначала Вовке показалось, что на всей заставе остался один часовой, но скоро из казармы стали выбегать ещё солдаты, вооружённые автоматами. Ими командовал Светкин отец.

— Построиться! — коротко приказал он.

И солдаты построились перед казармой в две шеренги.

Заместитель начальника заставы внимательно осмотрел строй и командовал солдатам «вольно». Вовке, ясное дело, хотелось подойти к Светкиному папе и хорошенько расспросить его обо всём, но Светка крепко его обучила, и он знал: в такие минуты заводить разговоры ни с солдатами, ни с командирами не положено... Но всё же, улучив минутку, когда повар Иван Иванович, тоже одетый по форме и тоже с автоматом, немного отошёл в сторонку от остальных солдат, Вовка подлетел к нему и боязливым шепотком спросил:

— Они что, шпиона побежали ловить?

— Да кто его знает... — также шёпотом ответил Иван Иванович. — След, стало быть, на полосе обнаружен. Вот и надобно выяснить — кто к нам с сопредельной стороны пожаловал? Будем ждать дальнейших событий... А ты бы, дитё, спать шёл. Солнце-то видишь где? На севере... Стало быть, полночь сейчас.

И тут увидал Вовка солнце там, где никогда его ещё в своей жизни не видел. Оно свисало низко над лесом, грустное, усталое. И не лучистое — на него можно было смотреть не жмурясь. А тишина кругом такая, что слышен шум водопада. Не того, что на Бешенке, а того, что на реке, вытекающей из озера. Вовка ни разу ещё его не видел, но Куликов говорил, что этот падун всем водопадам водопад. Река за озером течёт по тесному ущелью всё быстрее и быстрее, а потом грохает с огромной высоты. Если в падун унесёт дерево, то оно в щепки разбивается о валуны под водопадом. А если человека туда река унесёт, то его можно без оглядки списывать с довольствия...

Днём, пусть даже слабый ветерок, — шума падуна на заставе не слышно, а сейчас, ночью, когда на деревьях ни один лист не дрожит, ни одна травинка не колыхнётся, точно понимая, что и солнцу надо хоть чуточку отдохнуть, шум падуна был хорошо слышен. Вовка даже представил себе, как там пе-

нится вода, разбиваясь о валуны, как мечутся в этой пене огромные рыбыны...

В дверях показалась мама:

— Иди-ка, сынок, домой... Утром папа всё тебе расскажет.

Вовка улёгся. Нет, он ни за что не уснёт... От одной мысли, как он завтра расскажет Светке про ночную тревогу, не уснёшь. Она-то, девчонка, проспала всё на свете и ничегошеньки не знает... Вовка закрыл на минутку глаза, представил себе лицо Светки, когда она узнаёт про ночное происшествие, — да и не открыл больше до самого утра...

Мама никак не могла его разбудить.

— Поймали нарушителя? — спросил он, едва открыв глаза.

— Одевайся и умывайся быстрее... — крикнула ему мама из кухни, — я всё равно ничего не слышу!

Вовка вставал по-военному, вместе с солдатами. Конечно, и жерлицы полагается проверять спозаранок, а главное — не пропустить утреннюю зарядку.

Летом отец приучил Вовку умываться на озере. Вовке это пришлось по вкусу. Он опускался на мостках на колени, зачерпывал пригоршнями ещё холодную воду и, поёживаясь, плескал её на лоб, на нос, на щёки. Лицо сразу начинало гореть, и Вовка хватался за полотенце. День ото дня вода в озере становилась всё теплее и теплее, и Вовка плескался всё дольше и дольше, а когда озеро прогрелось так, что можно было, сидя на мостках, запустить ноги в воду, болтать ими и разгонять волны аж до самой середины озера, умывание затягивалось на целый час.

Он возвращался с озера в ту пору, когда на спортивной площадке свободные от наряда солдаты и сержанты выстраивались на утреннюю зарядку! Проводил её главный физкультурник заставы сержант

Степанов, а когда он бывал в наряде, заменял его Куликов.

Как-то Вовка подошёл к спортивной площадке и стал смотреть, как солдаты делают упражнения. Степанов увидел его, скомандовал «вольно» и сказал:

— А почему это, товарищи, рядовой Вовка Ключев от нас в стороне, поглядывает, как другие делают наклоны вперёд и назад, а сам ни тпру ни ну! Непорядок это...

— Непорядок... точно, непорядок...— зашумели пограничники.

И тогда сержант подал команду:

— Рядовой Вовка Ключев, смирно!

Вовка вытянул руки по швам и застыл.

— В левый угол площадки шагом... арш!

Хорошо, что Степанов вместе с командой показал, где находится этот самый левый «угол», а то бы рядовой Ключев неизвестно куда забрёл, не очень-то он твёрдо знал — где лево, где право. И Вовка быстро очутился на своём месте.

— Следи за мной,— сказал Степанов.— Только я махну тебе рукой, прекращай делать упражнения...

— Почему? — вырвалось по привычке у Вовки.

— Рядовой Ключев! Запомните раз и навсегда: приказы командиров не обсуждают, а выполняют! Круговые движения туловищем. Руки на бёдра! И... раз, и... два, и... три, и... четыре!..

Через несколько дней Вовка знал все упражнения назубок и делал их так старательно, что Степанов часто говорил:

— Иванов! Петренко, Файзулин! Вы что, боитесь спины себе повредить? Берите пример с рядового Ключева, за одно старание ему следует вынести благодарность перед строем...

Бегать Вовке тоже не разрешалось столько, сколько бегали солдаты: он всего лишь до ворот, а они до самого мостика на Бешенке и обратно.

— А почему вы так много бегаете? — спросил как-то Вовка у Степанова после занятий.

— Шпионы, брат, заставляют, — совершенно серьёзно ответил Степанов.

— Как это они вас... заставляют? — спросил Вовка, думая, что Степанов подшучивает над ним.

— Очень просто. Они-то ведь тоже бегать умеют, да ещё как! Школу такую проходят, в которой и бегать, и бороться, и стрелять учат. Значит, чтобы их ловить, нам, пограничникам, надо и бегать быстрее, и бороться лучше их, и стрелять метко...

После зарядки подавалась команда на «водные процедуры». Солдаты вольным строем бежали к озеру, быстро стаскивали сапоги и брюки (летом они занимались голые до пояса) и без всякой команды бросались с мостков в озеро.

Вовка тоже стаскивал лыжные брюки и тоже бросался с мостков в воду; когда вода стала совсем тёплой, солдаты старались прыгнуть как можно дальше от берега и потомплыли к середине озера: Вовка делал всё иначе — прыгал у самого конца мостков, где ему было по грудь, и тут плавал, пока не подавалась команда «вылезать из воды».

На снарядах солдаты упражнялись не каждый день, а лишь в часы физической подготовки. Эти занятия проводил только сержант Степанов — он был мастером спорта. Когда сам Степанов выходил на тренировку в синем спортивном костюме, стройный, мускулистый, высокий, у спортивной площадки собирались все, кто был в это время свободен. Светка с Вовкой мчались наперегонки, чтобы прибежать раньше всех.

— Ну, главные болельщики заявили, можно начинать, товарищ сержант, — смеялись солдаты.

— Они не болельщики, — отвечал Степанов. — Это спортивные судьи, прошу не путать!.. Судьи все-заставской категории... Так-то!

До того здорово Степанов работал на снарядах, что Вовке сниться стало, что и он наловчился и не хуже Степанова делает на кольцах кресты и стойки на руках, «вертит» на турнике заднее и переднее «солнце», а над «конём» вообще порхает, как мотылёк. А наяву удавалось повисеть немного на кольцах, на турнике подтянуться до подбородка. Зато на «коне»... на «коне» он мог скакать хоть целый день...

У Светки любимым снарядом было бревно. Десять раз могла она пробежать по нему туда и обратно и даже проскакать полпути на одной ножке. Честное слово, лучше её по бревну пробегали лишь Хмурый и другие собаки во время учения.

Что у Вовки отлично получалось, так это ползание через «мышеловку». Это, дорогой Сенька-тубейка, не фунт изюму — проползти по-пластунски. На животе и согнутых руках проползти не один десяток метров между низкими кольями, опутанными проволокой. Вовка начинал всё с разгона, точно собирался перепрыгнуть канаву, а перед самым входом в «мышеловку» плюхался на живот и, проворно работая локтями и коленками, быстро-быстро, кротом проползал по всем ходам и с сияющей мордахой выныривал на другом конце «мышеловки»... Сам Степанов похвалил Вовку: «Нет ни одного солдата проворнее рядового Ключева!..»

А вот сегодня Вовка проспал и зарядку, и водные процедуры... Хотя бы жерлицы никто не успел проверить!..

Жерлиц у Вовки пять. Их смастерил Куликов. Он же привязал шнуры к веткам прибрежных кустов и научил Вовку наживлять тройные крючки живыми плотвичками так, чтобы рыбёшка долго не засыпала. Если на жерлицу попадала щука или окунь, то это сразу было видно по дёргающейся ветке, за которую привязан шнур.

Но сегодня Вовке не до жерлиц, сегодня у него

другие заботы: поймали или не поймали нарушителя?

Не успел он с мылом и полотенцем в руках бежать с крыльца, как увидел Светку. Она как ни в чём не бывало играла большим сине-красным мячом: ударяла им о стенку и, пока он летел на землю, делала подскок, перепрыгивала через мяч, стремительно оборачивалась и ловила мяч, как только он отскакивал от земли. Вовка, как ни старался повторить такой номер, не мог, поэтому он объявил его девчоночьей игрой и при Светке даже не притрагивался к мячу.

— Соня-пересоня! — увидав Вовку, крикнула Светка. — Эх, ты, в тридевятом царстве во сне побывал, всё на свете прозевал!

У Вовки всё обмерло.

— Поймали?! — еле выговорил он.

— Кого поймали? — вроде не поняла Светка.

— «Кого, кого!»! Нарушителя, вот кого! — рассердился Вовка.

— Я же говорю, не пересонивай, приснится невеста что!

Вовка не только не обиделся, но даже обрадовался:

— Нет! Это ты всё на свете проспала! Да ты знаешь, что ночью сегодня было? Знаешь, что было? Тревога была, заставу в ружьё поднимали!.. Я проснулся, а папа как вскочит, да как начнёт одеваться, да как...

— Ну и что же? — перебила его Светка. — А мой папа, по-твоему, не вскакивал и не одевался? Тревога что, для одного твоего папы бывает? А я, ты думаешь, ничегошеньки не слышала? Я всё знаю. Не первый раз на тревоге. И никакого нарушителя не было. Медведь ихний к нам переходил, вот и всё...

Вовка слушал Светку и ушам своим не верил: не-

ужели из-за медведя всю заставу в ружьё поднимали?

— А откуда узнали, что это медведь?

— Так он же через полосу прошёл... Следы на полосе остались? Остались! Вот и дали команду: «Застава в ружьё!..»

Ну и дела! Разберись тут. Солдаты же видели, что медведь наследил, зачем же тревогу поднимать?

Но у Светки он больше ничего не спросил, чтобы она не задавалась особенно. А то совсем нос задерёт!

— Это неинтересно, когда медведь через границу переходит,— сказал он равнодушно.— Пойду умоюсь. И жерлицы надо проверить. Может, что и попало...

А у самого медведь-нарушитель из головы не выходит.

В этот день и озеро ничем его не порадовало: все жерлицы были в порядке, даже плотвицы не уснули.

Умывшись, Вовка побрёл к дому, не переставая думать о медведе-нарушителе.

Отец с матерью уже ждали его за столом...

— Садись, садись скорее...— сказала мама.— Видишь, что у нас сегодня на завтрак? Редиска со сметаной! Всё бабушка Марфа нас балует...

Когда мама подала чай, Вовка спросил у отца:

— Па... А ты когда-нибудь шпиона поймал, хоть одного?

Отец посмотрел сначала на маму, потом на Вовку, шумно вздохнул:

— Нет, сынку. Ни одного... Что называется — не везёт мне на шпионов... Но, знаешь ли, я об этом не жалею. Ведь шпион не в игрушки играть к нам перебирается, он с оружием... Это субчики натренированные, хитрые. Ты вот что, сынку, пойми: отличной заставой у нас, пограничников, считается такая, где ни один нарушитель не рискнёт перебраться! Они знают, что тут их не конфетка ждёт. Ты видал

у сержанта Куликова на гимнастёрке знак? Это за отличие в охране государственной границы. Он единственный у нас на заставе, кто задержал нарушителя. Вместе с ним был ещё солдат Матушкин. Они пустили Хмурого по следу, десять километров за нарушителем гнались, тот понял, что ему не уйти, стал отстреливаться и ранил Матушкина. Не смертельно, но тяжело. Но от Хмурого и Куликова не ушёл. И, заметь, Куликов живого его взял, хотя и мог застрелить ещё раньше, чем он ранил Матушкина.

Такую длинную речь Вовка слышал от отца впервые.

— А почему они не стреляли? Прицелились бы и кххх...

— Да ведь целиться Куликов умеет, в десятку бьёт, но оружие положено применять, когда другого выхода нет. Ведь убитый шпион ничего не расскажет, а у живого можно узнать: зачем он перебрался к нам, с кем должен был встретиться... Понял?

— Понял...

— Хорошо. Но ты видал, что нагрудный значок не только у Куликова, но у многих других солдат? Вон, к примеру, у Ивана Ивановича тоже есть знак «Отличный пограничник», а нарушителей он и в глаза не видал. А знаешь, за что его наградили? За супы и котлеты, за кашу и кисели... Да, да, не смейся. У него всем супам суп, у него каша — все добавки просят. Его кисели и компоты ты лучше меня знаешь. А раз так — значит, он отличный пограничник и ему награда от командования... А когда все хорошо службу несут, тогда и граница на замке...

— Ну да! А медведя за нарушителя приняли... — сказал вдруг Вовка.

Папа и мама долго смеялись, а когда успокоились, папа спросил:

— Ты когда-нибудь по пыли босиком бегал?

— А то нет... И я бегал и Сенька. А что?

— След на дороге оставался?

— Оставался.

— Какой из себя след?

— Какой? Босой...

— А когда в ботинках, тогда какой?

— Ну, ботиночный...— ответил Вовка.

— А если в галошах, так галошный! Правильно!

— Спрашиваешь!..

— Хорошо. Но вот ты захотел бы над Сенькой подшутить, надел бы мамины туфли на каблуках и прошёлся бы по пыли, а потом спросил бы своего дружка, кто это прошёл? Что бы Сенька подумал? — Папа, прищурившись, посмотрел на Вовку.

Вовка вдруг представил себе лицо Сеньки, так ловко обманутого, и рассмеялся.

— Сенька хоть и умный, а нипочём бы не догадался, что я!

— Дошло? Так почему бы нарушителю не надеть себе на ноги задние лапы топтыгина? А на руки передние... Что тут мудрёного? Сдерут с убитого медведя шкуру, отрежут лапы, натянут себе на ноги и руки и на четвереньках перейдут следовую полосу. Возможно такое дело?

— Ага...— ответил Вовка. Он на секунду закрыл глаза и ясно увидел нарушителя: он крадётся через полосу на четвереньках, обувшись в медвежьи лапы.

— Медведь-то знаешь зачем на нашу сторону переходил? — спросил отец.— В гости к дедушке Матвею. Медку захотелось... Но наши собачки такого мёду ему дали, что он, пожалуй, забудет к ним дорогу... А впрочем, за этим сладёной следи да следи. А то и решительные меры придётся принять, чтобы нарушители не воспользовались его лапами.

Отец сделал вид, что вскидывает ружьё.

Вовка выскочил из-за стола и помчался разыскивать Светку: теперь и у него было чем её удивить!

А СОЛНЦЕ ВСЁ ХОДИЛО ПО КРУГУ...

«Пётр и Павел час убавил, Илья-пророк ещё два уволок!!» — говаривал армавирский дедушка Макарыч, когда лето начинало клониться к осени.

Кто такие Пётр и Павел, Вовка не знал, а дедушка толком объяснить не мог: всё шутками отделывался, называл этих людей святыми. А что такое святые? Илья-пророк тоже был святым. А что такое пророк?

В Армавире они, вероятно, были и «уволакивали» часы (это смахивало на воровство, и Вовка так и решил, что старички эти нечисты на руку), а здесь, в Заполярье, видать, никого из них пока не было: солнце всё продолжало ходить по кругу, значит, никто часов не уволакивал. Похоже было, что какой-то богатырь привязал солнце на верёвочку и всё лето раскручивает над головой, чтобы осенью так зашвырнуть его далеко, что зимой солнца больше двух месяцев не видно будет.

Однако Вовке только казалось, что день не убавляется. Может, потому что день убавлялся ночью, когда Вовка и Светка спали? А если бы они, как солдаты, ходили в наряды на границу, то, наверно, заметили бы, что с каждой ночью солнце всё ниже и ниже спускалось к верхушкам елей и сосен. Потом солнце стало задевать за верхушки деревьев, а потом и прятаться за них. Вот-вот снова должны были наступить белые ночи. Да и наблюдать за солнцем днём у Вовки не было времени: пришла такая пора, когда в лесу больше надо было смотреть себе под ноги, чтобы гриб не раздавить, чтобы ягоды не потоптать. Теперь чуть не каждый день Вовка и Светка отправлялись в лес, сначала по ягоды, а потом и по грибы. Вовка даже рыбалку забросил. Лишь по утрам, когда бегал на озеро умыться, проверял свои жерлицы и редко приходил домой с пустыми руками. То

окуней принесёт штуки три-четыре, то щурёнка. Однажды подцепилась здоровенная щука. Вовке позвать бы кого-нибудь на помощь, но он решил сам. Да ничего из этой затеи не вышло: как увидал он у берега щучью разинутую пасть, так с перепугу выронил шнур, и щука, рванувшись в глубину, с ходу оборвала тройной крючок и, наверное, по сей день, как и Вовкин голавль, плавает с тройником во рту.

Хорошо при Светке всё было, а то бы сказала: рыбацкие сказки!

— Правильно делал, что сам старался вывести щучину... — сказал отец. — Не век же тебе с няньками быть!.. И не беда, что сорвалась, в другой раз ловчее будешь!

Ни Вовке, ни Светке не запрещалось ходить в лес на охоту за грибами и ягодами. Да и что им было делать на заставе, когда кругом такая благодать?

— Гуляйте, гуляйте! — говорила Светкина мама. — Дома зимой насидитесь. Надоест ещё... Светка вон в школу уедет, в интернат, а тебе, Вова, придётся поскучать с нами, стариками...

Но Вовка не верил, что когда-нибудь кончится лето, что придёт первое сентября и Светка укатит в интернат. Да и как поверить, что придёт зима, когда вокруг заставы бушует зелёное приволье? Листья на деревьях были такие зелёные и так крепко держались, что их не могли сорвать никакие порывы ветра. На полянах росли высоченные травы. Одни цветы уже потеряли лепестки и обнажили коробочки с семенами, а другие ещё продолжали цвести. Солдаты в свободные часы уходили с косами на лесные делянки и луговины. Они косили траву, чтобы лошадям было зимой вволю сена. Заготавливал сено и дедушка Матвей для своего скота. Вовке до того нравилось стоять под стожками и вдыхать сенной запах, что Светка даже сердилась на него.

— Ты что, лошадь, что ли? — возмущалась она. —

Ты лучше под ноги смотри: опять подосиновичек раздавил своими лапами!

— Напрасно ты на него кричишь, внученька... — сказала как-то бабушка Марфа. — В травах великая сила скрыта. Я, сколь себя помню, всё травы нюхаю... В городе я бы нипочём не смогла жить...

Чаще всего Вовка со Светкой ходили в лес не одни, а с бабушкой Марфой. Частенько и мамы отправлялись вместе с ними, прихватив большие корзины для грибов, а поменьше — для ягод. Корзинами всех снабдил дедушка Матвей. Удивительно хорошо он их мастерил. Что из прутьев ивовых, что из липовых полосок, а для ягод — туески из берёзовой коры. И каждая корзина, туесок были сделаны как на выставку — смотри не насмотришься. Круглый туесок из белоснежной берёзовой коры дедушка сшивал до того добротнo, что в нём хоть молоко, хоть воду носи, как в бидоне. А корзины плёл он так ловко и так быстро, что мог бы за неделю сплести по корзине каждому солдату на заставе.

Во всех лесных походах бабушка Марфа была за старшую. Казалось, она заранее знала, где какой гриб и когда появится, а что касается черники и других ягод, то она шла в лес, как в собственный сад, наверняка зная, где и сколько ягоды. Она заводила всех в такие черничные заросли, что лежи на животе и срывай ягоды прямо губами!..

— Благодать какая! — говорила она. — Тут кабы народу поболее, так на всю Россию ягод насберёшь.

Бабушка Марфа собирала чернику не руками, а особым совком с гребёнкой на конце. Проведёт по кустику черники совком снизу вверх несколько раз, сдует попавшие в совок листочки и сразу целый стакан чистой ягоды ссыплет в туесок. Куда Вовке со Светкой да и их мамам угнаться за бабушкой Марфой. У них и сноровки такой нет и собиралки нет, за-

то губы стали чёрно-фиолетовыми, будто только тем ребята и занимались, что пили чернила или сосали химические карандаши.

Но бабушка Марфа ходила в лес не каждый день.

— А кто же будет ягоду до дела доводить? Надо же и засушить, и соку надавить, и вареньица сварить, чтобы до новины и себе хватило, и людям досталось... Грибы тоже и солить, и мариновать, и сушить надо...

Без бабушки ребята бродили по ближним лесам вокруг заставы. Им одно было строго-настрого запрещено: даже близко подходить к болотам. Они ведь обманчивы, эти топи! Глядя на ярко-зелёную низину, и не подумаешь, что под густой и свежей травой скрывается зыбучая трясина. Уже вблизи такого места начинает у тебя под ногами земля ходуном ходить, точно по дивану идёшь или по пружинной кровати. А если провалишься в трясину, никто тебя вовек не сыщет....

В один из таких дней произошёл случай, который и Вовка и Светка, наверно, всю жизнь вспоминать будут. И, может быть, в этот день оба они поняли, что значит для них дружба, хотя день начался у них ссорой.

В тот день Вовка не пошёл на зарядку и умывался дома: во дворе было пасмурно и ветрено, стояли лужи. Всё же после завтрака он собрался было идти гулять, но тут снова по лужам запузырились дождевые капли. Посмотрел-посмотрел на них Вовка и решил остаться дома, засесть за очередное письмо Сеньке. Он сразу же решил нарисовать про ту щуку, которую не смог вытащить. Нарисовал себя, нарисовал щуку, больше похожую на крокодила, нарисовал корзину, и тут как раз появилась Светка.

— Рисуешь? — спросила она и сунула свой нос в альбом. — Про щуку? Сеньке своему пошлешь?

— Сеньке...

Светка помолчала немного, а потом спросила:

— А Сенька твой когда-нибудь прислал тебе хоть одну картинку?

— Не... — ответил Вовка. — Он не умеет рисовать.

— А что он умеет? — продолжала допытываться Светка.

— Всё умеет... — не совсем уверенно ответил Вовка.

— Если бы всё умел, так и рисовать умел бы... Ничего он, наверно, не умеет, вот что...

Вовке хотелось заступиться за дружка и так ответить Светке, чтобы она сразу замолчала, но сколько он ни вспоминал, так и не мог вспомнить, что отлично умел делать Сенька.

А Светка всё не унималась:

— Сочинять умеет твой Сенька! Наговорил тебе про темноту, про белых медведей... Сам ничего не видел, а насочинял... И ты у него научился...

— Чему научился? — насторожился Вовка.

— Сочинять научился... По правде ты ему сейчас всё рисуешь? По правде, да?

— По правде... Ты что, не была, когда я шуку тащил? Я же не рисую, что вытащил её? Не рисую... А как я её поймал и тащил, ты сама видела...

— Вот-вот... Проговорился! — подхватила Светка. — Была я, всё видела, вот здесь стояла... — Светка ткнула пальцем в рисунок рядом с корзиной. — Вот тут стояла... А почему-то на картинке не стою...

— Так я же про шуку ему рассказываю... — попытался оправдаться Вовка.

Но Светка даже договорить ему не дала:

— Неправда! Ты потому меня не рисуешь, что вы с ним сговорились с девчонками не водиться! Вот тебе и стыдно сказать, что ты тут со мной водишься... Что, скажешь не правда? Ты думаешь, что я ничегошеньки не вижу? А я всё вижу... И на других картинках ты меня так рисуешь, что и не поймёшь,

что я девчонка. Только я от этого не заплачу! Не дождёшься. Смешно даже...

Вовка понимал, что Светке совсем не до смеха, да и ему самому, но, главное, он никак ничего не мог придумать в своё оправдание.

— Если захочу, так и тебя нарисую... — сказал он наконец. — Даже с косами и с бантами... Что я, боюсь Сеньки, что ли?

— Да никто тебя не просит про меня рисовать... Очень мне нужен твой Сенька! Просто я не люблю, когда не по правде что... Ты и водишься со мной не по-правдашнему: не с кем тебе здесь водиться, вот ты и водишься со мной! В сто раз было бы лучше, если бы ты был девчонкой...

— А если бы ты была мальчишкой, так в тысячу раз было бы лучше! — крикнул в ответ Вовка.

Светка посмотрела в окно, увидала, что дождь прошёл и выглядывает солнце, тряхнула косичками и молча выбежала. Вскоре она появилась во дворе с корзиной и пошла к воротам. Вовка захлопнул альбом, торопливо натянул лыжный костюм, резиновые сапоги и тоже, схватив корзину, выбежал во двор. Он подождал, пока Светка скроется за воротами, и двинулся за ней следом. Бесшумно, незаметно, как пограничник!

Светка пошла лесной опушкой вдоль озера. Опушка самое грибное местечко из всех других. Конечно, бабушка Марфа не брала тут грибы; она водила ребят в свои заветные места, в глубину леса, там грибов куда больше, и не только подосиновиков и подберёзовиков, там и белых, и маслят, и рыжиков — целые полчища!

Трава после дождя была мокрой, а Светка не догадалась надеть резиновые сапоги и держалась всё близ крайних берёз и сосен. Там трава редкая, а грибы встречались.

Вовка тоже пошёл по опушке мимо тех же берёз,

хотя мог и в лес забрести — сапоги у него мировые!

— Ну и дурёха... — жалеючи ругал он Светку. — Придёт с мокрыми ногами, влетит ей от матери...

Но сапоги не помогли: Вовка нашёл всего два гриба, да и то один перезрелый подосиновик пришлось выбросить. Правда, он больше смотрел на Светку, а та тоже не часто наклонялась, чтобы срезать гриб. Опушка кончилась, и тут надо бы обратно поворачивать — дальше болото, оно начиналось у самого озера и тянулось клином в лес, но Светка забыла, что ли, про трясину, идёт себе да идёт...

— Светка! — крикнул Вовка. — Светка, назад!

Но Светка как будто и не слышала. Тогда Вовка со всех ног бросился вдогонку... Но Светка неожиданно остановилась, выронила корзину и побежала к Вовке.

— Ты чего? — спросил Вовка, когда она была рядом. — Ты чего?

— Там... Там кто-то забултыхался... — сказала запыхавшаяся Светка. — В болоте забултыхался...

Вовка прислушался, и ему показалось, что кто-то за кустами не то стонет, не то жалобно верещит.

— Может, тонет кто? — сказала Светка. — Давай посмотрим...

— Давай! — И Вовка поставил корзину на землю.

Они осторожно стали приближаться к болоту, а когда до кустов у края болота осталось метров десять, поползли, позабыв о мокрой траве.

А как доползли, то увидели такое, что сразу на ноги вскочили: в трясине, совсем недалеко от берега, жалобно вереща, бился, стараясь выбраться на берег, маленький лосёнок. А по краю болота металась лосиха, не зная, как помочь детёнышу.

— Ну, что делать? Что? — растерялся Вовка.

— Надо солдат позвать!.. — крикнула Светка.

И они побежали во весь дух к заставе. Только бы не утонул, лишь бы успеть...

Так быстро и так долго бежать Вовке ещё не приходилось. Сердце колотилось у него под рёбрами, во рту пересохло, но в ушах всё слышался тонкий отчаянный крик лосёнка, — и Вовка скорее задохнулся бы, чем остановился! Два раза он упал, Светка тоже разок растянулась рядом с ним. Падая, Вовка ударился локтем о камень, здорово ушибся, но всё равно — вперёд!

И вот наконец застава, и навстречу — сержант Куликов. Сержант выводил Хмурого на прогулку. Вовка не стал подходить близко, а крикнул издали:

— Куликов! Там... в болоте... лосёнок!..

А Светка вообще не могла сказать ни слова, она только беззвучно открывала и закрывала рот.

Но Куликов всё понял, кинулся на заставу, и через полминуты он и двое солдат мчались по берегу озера. А впереди всех Хмурый. Хмурый, конечно, думал, что там нарушитель, — найти, догнать, повалить, вцепиться мёртвой хваткой!

Вот тут Вовка понял папкины слова — что такое умение бегать для солдата-пограничника! Хотя солдаты были в тяжёлых сапогах да ещё несли с собой длинную верёвку и несколько жердей, летели они быстрее ветра!

Вовка и Светка скоро отстали, а когда они добрались наконец до болота, солдаты уже уложили жерди на зелёный болотный покров и Куликов полз по ним с верёвкой в руках к лосёнку. Лосёнок почти целиком скрылся в трясине. Из болота торчала одна голова. Лосихи-матери не было видно.

— Убежала? — удивился Вовка. — Бросила и убежала...

— Так народ же, солдаты... — ответила ему Светка. — А у зверей инстинкт... Вот она и убежала.

Вовка не слыхивал ещё такого слова и посмотрел подозрительно на Светку: не сама ли придумала?

— Какой ин-ин-синкт?

— Да такой, обыкновенный... Инстинкт, и всё... В голове он у них. Папа говорит, что они потому убегают, что инстинкт.

— Так это если охотники. А тут её ребёнка спасают.

— А ты найди лосиху и растолкуй, что мы не охотники... — начала было Светка, но тут Куликов добрался до конца жердей.

Лосёнок уже не кричал и не бился, а только испуганно глядел на ползущего к нему невиданного зверя. Но только Куликов дотронулся до него рукой, он снова забился.

— Не надо, дурашка, не надо биться, не надо... — приговаривал Куликов. — Сейчас мы тебя вызволим, сейчас...

Сержант не решился набросить на шею лосёнка верёвочную петлю: так можно и удушить его. Надо бы проползти ещё и опоясать зверёныша верёвкой, но ползти дальше некуда: не хватало настила, концы жердей и так уже ушли под мутную жижу. Тогда Куликов опоясал верёвкой себя, запустил руки в трясину, ухватился за передние ноги лосёнка.

— Тащите! — крикнул он. — Тащите и меня и жерди!

Двое солдат тащили изо всех сил — один за верёвку, второй — жерди. Не так-то было легко вытащить на берег сержанта и лосёнка.

— А мы что стоим и смотрим? Маленькие, да? — Светка стремглав бросилась на помощь солдатам.

Вовка за ней.

Сколько они там прибавили силы, кто ведаёт? Но получилось, как в сказке про репку: за Жучкой кошка с мышкой, и дедова репка была из земли добыта.. Скопом вытащили из трясины лосёнка с невероятно длинными ногами и как будто распухшими коленками.

— Ох, не лёгкая это работа — лосёнка-дурёнка тащить из болота! — пропел Куликов, поднимаясь на ноги.

И он и лосёнок были, что называется, по уши в грязи. Лосёнок прильнул к траве, как будто хотел слиться с ней, и замер.

— Так, разогре-ем по первости малыша! — сказал Куликов и принялся пучками травы протирать лосёнку шёрстку на спине и боках.

Солдаты тоже нарвали травы и давай обтирать лосёнку ноги и брюшко.

Света и Вовка тоже засуетились вокруг лосёнка.

— Ладно, ребятишки! Молодцы, что сигнал дали! Тут мы сами справимся, а то в грязи выкупаетесь, придётся приводить и вас в божеский вид... Вы лучше заготавливайте траву...

— Ишь, озорник, не убегай от мамы, слышишь? — погрозила Света пальцем лосёнку. — Бедовый какой!

— Да он откуда знал, что это болото... — заступился за лосёнка Вовка. — Он, может, думал, что это полянка такая... Он же совсем ещё малыш! А мама у него не говорящая, это наши всё нам: не ходи, не надо, не смей!

— Она ему по-своему могла сказать... Правда, Куликов?

— Может, и могла, да ваш брат какой? Всегда ли вы своих мам слушаетесь? То-то... Вот и он небось неслух... Вообще чудно, что он в болото угодил: лось такой зверь: только родился, а про болото уже полное понятие имеет. Тут какое-то лихо приключилось. Или мать нечаянно столкнула, или от зверя какого шарахнулся... А может быть... Вы где были, когда увидели его?

— Вон там, за кустами... — сказал Вовка.

— Понятно... — усмехнулся сержант. — Вас-то он и испугался, неслухи!

— Почему — неслухи? — удивились и Светка и Вовка.

— Да потому, что вам мамы русским языком говорили, чтобы вы и близко к болотам не совались, а вы сами чуть в болото не угодили. А что бы тогда? Ведь лосёнок не побежал бы на заставу докладывать, что ребятишки в болото угодили.

Лосёнок послушал-послушал эти речи и попытался вскочить на ноги.

— Что? — спросил у него сержант. — Тикать охота? Лежи, лежи... Мы тебя не тронем, к мамочке от-

пустим... Пошли, товарищи, не будем мешать встрече детей и родителей. Может, ему и трёпка полезна, чтобы наперёд умнее был.

Солдаты смотали верёвку, прихватили жерди и пошли к озеру. Вовка и Светка — за ними, поминутно оглядываясь: не появится ли из лесу лосиха?

Пока Куликов, стащив гимнастёрку и нательную рубаху, замывал их в озере, Светка и Вовка подползли к кустам и стали наблюдать за лосёнком. Тому наконец удалось подняться на свои длинные ходули, и он стоял теперь на ногах, расставив их во все четыре стороны, низко опустив горбоносую морду, точно обдумывая случившееся или прикидывая, как дальше быть.

Но вот он поднял голову, покосился на болото, посмотрел в сторону озера, куда ушли его спасители, и вдруг, совершенно неожиданно подскочив на месте сразу на всех четырёх ногах, побежал вдоль болота к лесу. И тут ребята увидали, что в дальнем конце болота появилась лосиха. Она стояла напряжённая, готовая в любую минуту скрыться, но в то же время не упускала из виду своего детёныша и, чтобы он её видел, преодолевая страх, стояла до тех пор, пока лосёнок не подбежал к ней и не начал тыкаться мордочкой в её брюхо.

— Проголодался... — сказала Светка. — Молочка захотел.

Но лосиха не стала кормить своего детёныша на виду у всех: она ткнула его мордой в бочок и медленно пошла в лес. Лосёнок запрыгал вокруг неё.

— Видала, как она ему наподдала? Теперь он и близко не подойдёт к болоту... — сказал Вовка.

И уже ни он, ни Светка не вспомнили об утренней ссоре. Но в письме Вовкином появилась девчонка с косами и бантом. Она стояла рядом с корзиной...

ПОЛУКРУГЛЫЙ И ЧЕТВЕРТЬКРУГЛЫЙ ДЕНЬ...

Вовка привык к круглому дню. Однажды, когда заставу среди ночи подняли в ружьё, Вовка проснулся и увидел, что в комнате светло не от окон, а от горящей под потолком лампочки. Сначала он подумал, что мама всё же занавесила окна, но никаких занавесок на окнах не было, а за оконными стёклами было темно.

Отец торопливо одевался.

— А почему на дворе темно? — спросил Вовка.

— Как это, сынку, почему? Да потому, что ночь...

— Значит, круглый день кончился?

— Значит, кончился, сынку... Наступил полукруглый день, потом придёт четвертькруглый, потом и круглая ночь наступит... Так-то у нас на Севере, привыкай!

Папа затянул ремень с кобурой и выбежал во двор.

На этот раз Вовка не побежал за ним. Он отвернулся к стене и стал думать. Думы у него были невесёлые: вчера Светка объявила, что скоро наступит первое сентября и она уедет в отрядный посёлок, будет там жить в интернате и учиться в первом классе.

— Теперь ты останешься один человек детей на заставе, — сказала она.

— А я ещё, может быть, и не останусь один человек на заставе, — сказал Вовка. — Возьму и попрошу папу, чтобы он и меня отправил в интернат. И буду ходить в первый класс...

— Здравствуйте пожалуйста! — засмеялась Светка. — Интересно, как это ты поступишь в школу? Форма у тебя есть? А портфель с книжками и тетрадками? Тебя только через год примут в первый класс, а я тогда уже во втором буду. Тебе же ещё всего шесть лет исполнилось...

— Неправда! — Вовка почувствовал себя обде-

лённым и обиженным.— Мне уже давно было шесть!.. Ты сама была у нас на день рождения... Ты тогда пироги ела с черникой! Что же мне, всё шесть да шесть?!

— А ты не был у меня на день рождения! А кто пироги с капустой и вареньем ел? Так мне же было семь на этот день рождения, а тебе было только шесть. Так кто из нас старше? Кого вперёд примут в школу?

На это Вовка не нашёл, что ответить. Обидно, что из-за какого-то одного года его не примут в школу и придётся ему быть одному на заставе. Как одному жить? Разве одному интересно ходить в лес за ягодами и грибами? Или на озеро? Или на заимку? А когда выпадет снег, затрещат морозы, куда деться?

Правда, Куликов обещал: скоро пора хорошей осенней рыбалки. Он уже готовился: вытащил на берег единственную на заставе лодку и взял её в оборот — конопатил пазы и заливал их чёрной смолой. Дедушка Матвей приходил помогать. Они вдвоём перевернули плоскодонную лодку кверху дном, разогрели в старом ведре смолу и стали замазывать ею всё дно лодки. А ещё дедушка Матвей раскалил в костре конец железного лома и этим раскалённым концом стал водить по пазам, чтобы в них получше залилась смола.

— Вот теперь полный порядок! — сказал дедушка.— Хоть в тапочках на ней плавать: ни капли воды не просочится...

Дедушка заметил, что Вовка невесел, и спросил:

— А что это ты в грустях, Вова? Не захворал ли, часом?

— Беда, Матвей Спиридоныч! Подружка его уезжает в интернат. В школу... — ответил за Вовку Куликов.

— Да, одному, однако, скучновато будет... — согласился дедушка Матвей.— Ну, почаще к нам загля-

дызай. Бабушка Марфа завсегда гостям рада, особенно любит она вашего брата... Своих-то внучат не довелось ей понянчить...

Дедушка вдруг замолчал и долго-долго смотрел куда-то вдоль берега озера. Молчал и Куликов. Вовка решил, что и ему надо молчать и ни о чём не спрашивать ни сержанта, ни лесника...

В этот же день Вовка спросил у Светки:

— А почему бабушке Марфе не пришлось своих внучат нянчить?

— Ты что, маленький? Да? — Светка даже головой покачала. — Откуда же у них внучата, когда ихнего сына фашисты в войну убили... Ты помнишь, мы у бабушки пышки с мёдом ели? Помнишь, мы тогда цветов принесли? А что она про цветы сказала, помнишь?

— Ты знаешь, Светка, пышки были такие вкусные, и я... — смущённо сказал Вовка.

Но Светка перебила его:

— Про цветы, я спрашиваю, помнишь, что бабушка сказала?

— Ну, помню... Сказала, что отнесёт их какому-то Васе... Я хотел спросить и забыл...

— Сыну своему, вот какому Васе. На его могилку, у памятника она цветы положила. И дедушка, и бабушка берегут его могилку... И солдаты тоже берегут. А молодые пограничники, только их привезут на заставу, идут к Васиной могилке и стреляют из автоматов. Салют делают... Там не один Вася, там ещё лежат пограничники. Они все герои...

— И у всех у них золотые звёздочки были? — спросил Вовка.

Светка подумала немного и сказала:

— Наверное, нет... Награды потом дают, когда ты уже героем станешь... Да, да... Васе после смерти награда вышла... Бабушка Марфа говорила, что его... как это? Ага, посмертно наградили, вот как...

— А других тоже посмертно?

— Не знаю... Может, и наградили... Васе почему награда вышла? Потому что он один долго-долго с фашистами воевал... Они вдвоём были в наряде, когда война началась, и не знали, что будет война. Пошли в наряд, и всё... Пришли на границу, а тут фашисты стали полосу переходить и стрелять. Тогда Вася тоже стал стрелять в них, а солдата послал на заставу за помощью. Но солдата фашисты сразу же ранили, и он упал. Вася даже перевязать его не смог, только за камни спрятал и опять стал отстреливаться. Фашисты сунутся на КСП, а он их из автомата, они в другом месте полезут, а он опять по ним очередь даст... Когда у него патроны кончились, Вася взял автомат раненого солдата и опять стал воевать...

— Ух ты! Вот это да! — вырвалось у Вовки. — Ну, а потом?

— Потом у Васи и эти патроны кончились... Но он успел столько фашистов поубивать, что остальные уже уходить собирались. А как кончились у Васи патроны, они опять полезли. Даже кричать стали: «Рус Иван, сдавайся!»

— Не Иван, а Вася... — поправил Вовка.

— Не Вася, а рус Иван они кричали... Так фашисты всех русских солдат называли, а мы их называли фрицами...

— Почему? — удивился Вовка.

— Ох и почемучка ты, Вовка! Так называли, потому что у нас много Иванов, а у них Фрицев... И когда фрицы снова полезли и хотели Васю живым в плен взять, чтобы он им военные тайны выдал, Вася выхватил гранату и бросился к ним навстречу. Крикнул: «За Родину! Ура!» — и взорвал гранату. Сам сразу погиб, но и фрицы все до одного взорвались... А тот солдат, что был раненый, всё видел, и, когда его наши подобрали, он и рассказал, как Вася воевал с фашистами...

Тут только понял Вовка, что портрет сержанта, нарисованный красками и вставленный в рамку, перевитую чёрной лентой, был портретом сына дедушки Матвея и бабушки Марфы. А ведь Вовка и раньше слышал, что старики потому здесь и поселились навсегда, что тут у них погиб единственный сын.

— Я думал, что это сержант Куликов нарисован... — сказал Вовка виновато.

— Слава богу, хоть это ты заметил! — вздохнув, сказала Светка. — Куликов очень похож на Васю. Тебе понятно теперь, почему дедушка и бабушка, как приходят на заставу, так Куликова разыскивают... Им кажется, что это вроде их Вася.

Вечером Вовка достал альбом, карандаши и уселся рисовать картину «Бой на границе». Он долго чесал себе лоб карандашом, прежде чем провести на бумаге первую линию. Нелегко было представить себе, как это всё происходило, а нарисовать было ещё труднее. Самого Васю он нарисовал в центре картины и так, чтобы было видно его лицо и поднятая над головой граната. У его ног лежало человек пять убитых фашистов, а несколько живых, закрыв головы руками, убегали от Васи.

За грудой камней позади Васи Вовка нарисовал раненого пограничника. Он как будто хотел подняться, чтобы вместе с Васей продолжать бой. На груди у раненого Вовка нарисовал красное пятно, а на груди у Васи золотую звёздочку.

— А я не хочу посмертно!.. Хочу, чтобы было досмертно, чтобы все знали, что он герой...

И он ещё ярче подрисовал звезду жёлтым карандашом...

— Ты это тоже Сеньке пошлешь? — тихо спросила Света.

— Да, пошлю, — сказал Вовка.

— Пошли! — сказала Света. — Пусть знает, какие на Севере бывают герои!

...А день становился всё короче и короче. Он угасал на Севере гораздо быстрее, чем в Армавире или даже в Москве. И солнце теперь светило не каждый день. Частенько налетали тучи и дождь моросил не переставая. Пограничники поверх шинелей надевали брезентовые плащи, отправляясь уже в темноте в наряд. На дворе разливались лужи, и все ходили по дощатым мостикам. Они были проложены от казармы ко всем службам.

Чтобы не затонула лодка, Куликов вёдрами вычерпывал из неё воду — столько её наливалось с неба. А лужи на заставе не просыхали, пусть солнце светило и день и два. Не то было летом. Летом тоже шли дожди и ливни бывали, но стоило прорваться сквозь тучи солнцу, и луж как не бывало.

А та самая берёзка у ворот заставы, так обрадовавшая ребят первыми зелёными листочками, первой сказала им, что лету приходит конец: у неё позолотились отросшие за лето косы. Сегодня косы позолотились, а завтра стала она ронять под напором ветра листья, и ветер швырял их в озеро и гнал золотыми корабликами к южному берегу.

Но лес ещё не умер, ещё он баловал людей и грибами и ягодами... Не брала пока бабушка Марфа только бруснику и клюкву да ещё морошку — надо, чтобы эти ягоды морозцем тронуло, тогда сладость у них появится. Хотя грибы подходили к концу, но их ещё было вдоволь, как говорила бабушка Марфа, — хоть косой коси. Она всё сетовала — столько добра пропадает в лесу!

— Была б у меня такая волшебная сила, покликала бы я — и все грибы за мной, как цыплята, на заимку пришли, а я бы их все до дела довела. Сколь бы я людей грибами попотчевала, а? А так, куда ж их девать? И для себя насолила и засушила, и солдатам в запас. Будут лапшу они с грибами есть и солёненькими когда побалуются...

...И вдруг наступил день, грустный для Вовки день, когда Светка появилась перед ним в новеньком коричневом платье, в белоснежном фартуке, с портфелем в руке.

— Ну как? Идёт мне форма? — спросила она.

— Идёт... — ответил сразу почему-то оробевший Вовка. — Значит, уезжаешь?..

— Уезжаю! — как-то даже весело ответила Светка. — Мы уже все вещи уложили, и скоро будут запрягать.

— А букварь ты не забыла? — спросил Вовка, не зная, что говорить.

— Кажется, нет... Но можно проверить... — ответила Светка, положила портфель на стол и открыла его.

Конечно, букварь был на месте, на месте были и тетрадки, пенал с ручками и карандашами и всё прочее школьное снаряжение. Смотрел на все эти богатства Вовка и чувствовал, как щемит у него в груди. И не только от того щемило в груди, что оставался он один на заставе — об этом он как-то и не думал в это время, — щемило, пожалуй, от зависти и обиды, что Светка уже имела право на портфель, на форму, а у него этого права пока не было...

— Ты так вот и будешь всегда в фартуке ходить?

— А как же? Это же форма... Солдаты ходят когда-нибудь без формы?

Вовка не знал, про что бы ещё спросить Светку, о чём вести разговор. Как только она обрядилась в форму, так между ними точно встал кто-то невидимый, встал и мешает им и дружить и ссориться, встал и сказал: «Не о чем вам больше разговаривать! Она школьница, а ты ещё дошкольник, у неё свои теперь заботы, а ты оставайся при своих... И ничего с этим не поделаешь!»

За окном прогремели колёса подводы, вошёл

Светкин отец, взял чемодан и сказал: «Ну, поехали!» — и Светка стала торопливо, не попадая руками в рукава, надевать пальто, нахлобучивать на голову красный берет. Схватив портфель, выскочила из комнаты, точно боясь, что подвода уедет без неё... На Вовку она только мельком взглянула. И лишь в последнюю минуту, уже на подводе, убедившись, что без неё не уедут, наклонилась к Вовке и спросила:

— А мне ты будешь письма рисовать?

— А ты будешь?

— Как только выучусь писать, так и напишу...

— Ладно... Я тоже буду рисовать... — как-то смущённо улыбнулся Вовка.

Солдат-кучер тронул лошадей, подвода качнулась, Светка и Клавдия Петровна стали прощаться, провожающие тоже замахали руками, поднял руку и Вовка. Он так и простоял с поднятой рукой, пока подвода не скрылась в лесу. Провожающие разошлись, а он остался у ворот и всё смотрел на дорогу. Неужели больше не мелькнёт среди стволов елей и берёз красный Светкин берет?

Кажется, он только теперь осознал, что остался один на заставе, что больше не увидит Светку, не услышит её голоса. У него ещё звучало в ушах: «А мне ты будешь письма рисовать?» И что же, до самых каких-то зимних каникул он не услышит ни одного слова от неё? Да как это может быть, что Светки не будет рядом с ним?..

Вот стоит лес, в котором они со Светкой знают каждое дерево, каждый куст... Лес стоит, а Светки нет... Вот озеро морщинится под солнцем... Но на берегу нет Светки, и она не придёт, сколько ни свисти, ни смотри на её окна!

Никуда не делся и спортгородок. Бревно, «конь», перекаладина, «мышцеловка» — всё на месте... Но разве без Светки интересно пробежать по бревну, подтянуться на турнике, оседлать «коня»?

Мама позвала его обедать. Он тихо сидел за столом, ел, не замечая, что ест. Не видел Вовка, что мать переглядывается с отцом и вздыхает. Он даже не слышал, о чём они говорили: в ушах всё ещё слышались слова Светки: «Как выучусь, так и напишу тебе письмо».

«Что она сейчас делает? Наверно, открывает и закрывает свой портфель. Качается на подводе и разглядывает картинки в букваре...»

— А у меня почему-то нет портфеля с букварём... — неожиданно сказал Вовка.

— Придёт время — всё будет! — пообещала мама.

После обеда взял Вовка удочки и пошёл на озеро. Сел на мостках, забросил и тут же выхватил отличного окуня. Выхватил и чуть не крикнул: «Светка!» Подержал, подержал окуня в руках и выбросил в озеро: зачем ему были теперь окуни, будь они хоть с тебя ростом.

Смотал Вовка удочки, отнёс домой и снова очутился за воротами. А потом и не заметил, как ноги принесли его туда, где дорога в конце поляны ныряла в зелёный тоннель леса. Тут он остановился.

Ему вдруг стало немножко страшновато, он никогда не ходил один в лес. Вот если бы тут была Светка, он бы и один пошёл, но он бы знал, что Светка рядом... Лес показался ему неприветливым, холодным, чужим...

Совсем недалеко от дороги он увидел несколько молодых подосиновиков. Только находка не обрадовала его, а ещё больше огорчила: красные шляпки подосиновиков напомнили ему красный Светкин берет.

Всё же он решил собрать грибы: надо же было что-то делать. Взял один и долго его рассматривал. Гриб был просто замечательный: ножка толстая, твёрдая, шляпка ярко-красная, чуть пошире ножки, с ещё не поднявшимися полями. Такие бабушка Мар-

фа собирала для маринования... И остальные грибы, сколько их видел Вовка, были под стать первому, а совсем у дороги рос чудной гриб. Чудными грибами они со Светкой называли такие грибы, у которых что-то было необычным: то ножка по-чудному изогнута, то шляпка лихо заломлена, как у озорного мальчишки. Такие грибы особенно радовали ребят, и каждый, найдя «чудной» гриб, обязательно кричал на весь лес:

— Чудной! Чудной гриб!..

Вот и у этого гриба под одной шляпой две ноги. У самой земли ноги срослись, и подосиновик выглядел действительно чудно...

Но только зачем Вовке теперь такой гриб? Кому его показать? Кто его услышит и прибежит к нему, если он крикнет: «Чудной! Чудной гриб...» Отцу с матерью показать? Ну и что? Скажут: «Молодец», и всё... Бабушке Марфе? Она тоже похвалит, а потом скажет: «И не такие чудеса в лесу можно встретить. Бывают грибы и о трёх ногах...»

— Не хочу о трёх ногах! — заорал вдруг на весь лес Вовка, расшвырял все собранные грибы и, не видя дороги, помчался на заставу.

Дома никого не было.

Он уткнулся в подушку и долго ревел. Наревелся, сел на кровать и прямо перед собой на стене увидел отцовскую полевую сумку.

Вовка глубоко вздохнул.

Ещё один вздох.

Жёлтая, из толстой кожи сумка, потёртая в углах, глядела на него со стены и будто спрашивала: «Вовка, что же ты?» И Вовка вскочил на стул, снял сумку, выдвинул средний ящик стола, высыпал в него всё из сумки, торопливо, поглядывая на дверь, сунул в сумку альбом с карандашами, перочинный ножик и вышмыгнул в сени.

Как ни торопился Вовка, всё же сообразил, бе-

жать в открытую с сумкой опасно: отец или мать увидят или часовой. Попробовал спрятать под лыжную куртку, ничего не получилось: живот так раздулся, что каждый бы догадался — тут дело неладное. Выручила грибная корзинка. Он схватил её, сунул сумку на дно. Теперь никто и внимания не обратит на него: за грибами Вовка ходит каждый день.

Поляну перед заставой Вовка пробежал единым духом, а вот у самого леса приостановился: снова на него напала робость. Он достал из корзины сумку и попытался, как отец, повесить через плечо, но ремень оказался длинным-предлинным, и сумка упала на землю. Тогда Вовка забросил её за спину, корзинку подфутболил, чтобы не валялась на дороге, и, как в холодную воду, нырнул в лес...

Он бежал по лесной дороге, не глядя по сторонам, не прислушиваясь ни к каким звукам...

Но скоро до его ушей донёсся шум водопада на Бешенке. От частых дождей Бешенка поднабирала силы и становилась всё полноводнее и шумливее. По мосту через речку Вовка прошёл осторожно, стараясь не смотреть на воду. Ему невольно вспомнилась та переправа через Бешенку, когда он чуть не вывалился из корзины... Вспомнил — и ещё страшнее стало ему...

От моста до заимки дедушки Матвея рукой подать, и вот Вовка уже перед избой лесника. На минуту он забыл, зачем бежал по дороге, и чуть было не крикнул: «Бабушка Марфа! Дедушка Матвей!» — как они всегда кричали со Светкой, подбегая к заимке. Нет, сейчас ни звука, сейчас надо тихохонько проскочить мимо дома лесника, чтобы ни сам лесник, ни бабушка Марфа его не за-

метили, иначе не догнать ему Светки, как вчерашний день...

Решить-то решил Вовка обойти заимку стороной, прямо по лесу, но всё стоял у края дороги, боясь сделать первый шаг в лес. Почему-то в лесу было темновато, хотя деревья росли совсем не густо. А то, что начинало смеркаться, Вовке и в голову не пришло...

Неизвестно, сколько бы он простоял так на дороге, если бы в избе лесника не скрипнула дверь. Тут Вовка, не раздумывая, поборов все страхи, бросился в лес.

* * *

...Вечером хватились родители, а Вовки нет! Всю заставу обшарили отец с матерью — не нашли. Весь лес вокруг заставы обкричали — не откликнулся Вовка...

Сначала Мария Семёновна сердилась, потом разволновалась, потом начала плакать... Всё она передумала: и что в озере утонул, и что болото засосало, и что в лесу заблудился...

Успокаивал жену начальник заставы, а у самого губы белые и щёки втянулись...

Вся застава с ног сбилась, темнеть начало, скоро наряд на границу отправлять, а Вовки всё нет и нет!

И вдруг, шагая по комнате, Вовкин отец увидел пустой гвоздик там, где висела его полевая сумка.

И он всё понял.

— Коня! — крикнул он дневальному.

Рядом с ним выросла крепкая фигура сержанта Куликова.

— Разрешите и мне с вами, товарищ старший лейтенант! Стемнело, вдвоём-то сподручней, может, он с дороги свернул. А Хмурый пойдёт по следу...

Вскочили они на коней и помчались. Но сначала дали Хмурому понюхать Вовкины тапочки, и теперь

пёс знал, какого нарушителя ему искать. Наверно, он принял это за игру — побежал не так, как обычно, как бежал по тревоге, весь напряжённый, слегка повизгивая, а весело, безмятежно, вроде как на прогулку.

Быстро доскакали конники до заимки лесника, бабушка Марфа вышла на крыльцо. Нет, не видала бабушка Вовку. Она забеспокоилась, запричитала. Светку видели — и бабушка и дед Матвей, — со Светкой попрощались, гостинцев дали на дорогу, а Вовки на заимке не было...

А Хмурому и объяснять не надо было, что Вовка на заимку и не думал ходить: он ещё за мостом через Бешенку показывал, что Вовка свернул в лес...

Конники вернулись к мосту, и Хмурый снова взял Вовкин след. Куликов соскочил с коня, отдал повод командиру и побежал за Хмурым. Сержант знал, что до цели осталось недалеко: Хмурый всё убыстрял бег. А потому, что след вёл всё глубже в лес, в сторону границы, Куликов понял, что рядовой Вовка Клюев заблудился: хотел, наверно, сразу за домиком лесника снова свернуть на дорогу, направо, а повернул налево.

— Эх, солдат! Перепутал сено с соломой... — засмеялся сержант.

След вёл сначала прямо в глубину леса, потом стал метаться из стороны в сторону, кружить, а то вдруг Хмурому пришлось повернуть к дороге. Наконец пёс стал сбавлять бег, перешёл на шаг, остановился совсем и так тихо зарычал, что его услышал только Куликов.

— Здесь где-то... — прошептал сержант.

Из темноты донеслись всхлипывания Вовки.

— Стой! Кто идёт? — негромко скомандовал Куликов.

Всхлипывания сразу прекратились, но тут же из-за валуна высотой с добрый дом донёсся крик Вовки:

— Куликов! Где я?

— А кто ты такой? Нарушитель? А ну выходи и руки вверх! — крикнул Куликов как можно строже.

— Да это я... Рядовой Вовка Ключев! Прибыл для прохождения...

— «Рядовой! Прибыл для прохождения!» — передразнил Вовку отец. — Дезертир ты, а не солдат! Наказать тебя придётся за самовольный уход с заставы... Ну, где ты там? Выходи...

МУЗЕЙНАЯ КУМЖА

На другое утро отец сказал Вовке:

— Хотел было я дать тебе суток трое домашнего ареста, да раздумал... Как, хорошо тебе было ночью под камнем трястись? Скажи спасибо Хмурому: без него сидеть бы тебе там до утра... Будешь знать, как своевольничать!

Вовке и без ареста никуда не хотелось из комнаты выходить: стыдно было на глаза показаться и Куликову, и Степанову, и Ивану Ивановичу, да и всем солдатам. На зарядку он давно перестал ходить: солдаты делали зарядку теперь в темноте, когда Вовка ещё спал. Жерлицы пришлось смотать, потому что нельзя было изловить мелкой рыбёшки на наживку. Как только вода стала холоднее, вся мелочь куда-то пропала, и, хотя у самого берега рыба стала ловиться покрупнее, на рыбалку не тянуло: уж очень была скверная погода с ветром и холодным дождём.

Достал тогда Вовка из отцовской сумки альбом с карандашами и три дня просидел в своём углу, рисуя картинку за картинкой. Если бы все картинки развесить в красном уголке (в комнате они и не поместились бы), так получилась бы целая выставка. Но на этот раз это были не письма к Сеньке-тюбетейке — его Вовка стал уже понемногу забывать, — а скорее

переживания самого художника. И начинались переживания с рисунка про то, как Светка уезжала с заставы: повозка, в которую запряжена пара лошадей, солдат-ездовой, Светкина мама и рядом с ней Светка в школьной форме и красном берете. В руках она держала портфель, набитый букварями, тетрадками, пеналами... А сам Вовка стоял рядом с огромным огненным букетом цветов. На настоящих проводах никаких цветов не было, но Светка говорила, что в школу полагается приходить с букетом...

На следующем листке по лесной дороге шагал военный в пограничной форме. Зелёная фуражка, автомат на груди, на боку полевая сумка, как у настоящего командира. Шагает военный по тёмному лесу и ничего на свете не боится. Наоборот, всё зверьё лесное, завидев его, удирает так, что только пятки сверкают. Даже бурый медведь...

Посмотрел-посмотрел Вовка на это своё произведение и решил никому его не показывать. Вырвал из альбома и спрятал под матрац. Может быть, потому, что вспомнил, как было в лесу на самом деле? Вспомнил, как метался от дерева к дереву, как хотелось ему закричать от страха, но крикнуть мешал всё тот же страх... Как потом в лесу стало совсем темно и в темноте он наткнулся на каменную стену (это он наткнулся на огромный валун), как пытался обойти эту стену, но руки всё время натыкались на шершавый камень... Тогда он сел прямо на землю и тихонько, по-щенячьи заскулил. А тёмный лес вдруг наполнился страшными звуками: и шорохом и треском... Вовка не то что скулить, а и дышать перестал...

Как он обрадовался окрику Куликова: «Стой! Кто идёт?» Вовка так резко вскочил на ноги, что ударился головой о камень, но даже и не пикнул, боялся, что Куликов пройдёт мимо и он снова останется один в страшном ночном лесу.

Нет, про это Вовке не хотелось не только рисо-

вать, но даже вспоминать. Он ночью, после того как был доставлен на заставу, так вздрагивал, что чуть с кровати не падал. Мама даже боялась, что её сын, чего доброго, снова заболеет с перепугу или заикаться станет.

Чтобы ничто больше не напоминало ему об этой ночи, Вовка вытряхнул все свои вещи из отцовской сумки и повесил её на место, хотя отец ничего ему про сумку не говорил...

Дальше шли разные рисунки, но все они были про Светку. Вовка даже рассказы сочинял в рисунках, как в журнале «Весёлые картинки».

Вот Вовка со Светкой выходят из ворот заставы с большущими корзинами. Собирают грибы. Слева от них — лес, справа — озеро. А вот перед ними какой-то луг. Вовка почему-то хватается Светку за руку и показывает на луг, а Светка ничего слушать не желает, вырывается. Ну вот, довырывалась! Угодила в болото, а Вовке приходится тащить жерди, укладывать их на трясине, ползти по ним, чтобы схватить Светку за косы и вытащить на сухое место. А потом ещё и травой её надо обтереть и по головке погладить, чтобы не ревела. Но всё хорошо, что хорошо кончается: бегут Вовка со Светкой к заставе, взявшись за руки, а из-за кустов на них лосиха с лосёнком смотрят...

Были рисунки и про то, что было на самом деле. Как они с мамами и бабушкой Марфой грибы и ягоды собирают в лесу. Или как Вовка снимает с жерлиц рыбу, а Светка укладывает её в корзину... Светка и Вовка сидят за столом у стариков на заимке и едят пышки с мёдом...

А ещё нарисовал про то, чего не было: как он Светку от пчёл дымокурор спасает. Только дымокур получился у Вовки очень на автомат похожим. Вовка палил из этого автомата-дымокура по клубам пчёл, преследующих орущую Светку...

Рисовал Вовка с таким увлечением, что порой за-

бывал о том, что Светки нет на заставе, ему вдруг слышался её смех под окнами, он срывался из-за стола и летел на крыльцо... но тут же останавливался, понимая, что ему это только почудилось. На заставе не раздавалось ни единого детского голоса...

Один из своих рисунков-рассказов Вовка отослал Светке в интернат. Только в этом рассказе ничего выдуманного не было. В нём говорилось о буре, налетевшей на заставу. Это была страшная буря, такой Вовка в своей жизни ещё не видал, хотя в Армавиरे частенько бывают ветры, что с ног людей валят.

Для начала ветер расправился с грибом, у которого стоят часовые. Ветер сорвал со столба «шляпу» и швырнул её на крышу казармы с такой силой, что она сбила две кирпичные трубы, проломила в нескольких местах шифер и улетела в самый дальний угол двора, чуть не наделав беды в вольерах. Затем ветер стал пробовать — крепко ли держатся крыши на всех домах и складах? Нельзя ли сорвать с петель двери или повалить забор? А может быть, можно выплеснуть всю воду из озера и затопить заставу?

Однако крыши оказались крепкими, двери тоже, они только оглушительно хлопали, забор выстоял, а вот озеро так разбушевалось, что выбросило на берег лодку Куликова и сорвало доски с мостков. Куликов с солдатами кинулся было спасать лодку. Хотел оттащить её подальше от берега, но хорошо, что пограничники не успели подбежать к лодке: сосна, к которой была привязана лодка, вдруг с треском надломилась у самой земли и рухнула прямо на лодку. Лодка, прекрасная лодка, в которой можно было в тапочках плавать, потому что она не пропускала ни капельки воды, превратилась за одно мгновение в груды щепок... Куликов даже за голову схватился, а Вовка крикнул «ой», как будто сосна придавила его самого.

Буря натворила много бед: вокруг заставы пова-

лила деревья, загородила в одном месте дорогу, у де-душки Матвея попереворачивала улья на пасеке...

А вечером Вовка узнал, что и на самой границе напраказничал буран: он столько нашвырял всякого мусора на контрольно-следовую полосу, что все солдаты вышли утром на ремонт КСП.

Вот об этом и рассказал Вовка в своём письме Светке. А через несколько дней получил ответ: на тетрадном листке в косую линейку были написаны по несколько строк палочек, кружочков и закорючек вроде рыболовных крючков.

— Подумаешь! — сказал Вовка. — Я тоже так нарисовать сумею.

— Это, сынку, не нарисовано, а написано... С этих палочек, кружочков и закорючек и начинают все учиться писать, — сказал отец. — Я тоже с этого начинал...

— И мама? — недоверчиво спросил Вовка.

— И мама... А на будущий год и ты начнёшь учиться писать так же вот, как Света.

* * *

Чтобы Вовка поменьше скучал, Куликов подарил ему щенка, сына Хмурого. Он привёз его из питомника. Подарку Вовка очень обрадовался, но никак не мог придумать для щенка подходящую кличку. Щенок рос, и нельзя ему было жить без клички. Сами понимаете — как можно позвать щенка на кормёжку или на прогулку, если у него имени нет? Не станете же вы звать его просто щенком: «Щенок! Щенок! Иди есть! Пойдём в лес...»

В первые дни, когда ещё щенок толком ни в чём не разбирался и ещё падал чуть ли не на каждом шагу, Вовка так и называл его: «Щенок, щен, щенушка...» Но это не могло продолжаться долго — щенки быстро привыкают к кличкам. И вот вырос бы он

в настоящего пограничного пса, в такого, как его отец Хмурый, а кличка у него была бы «Щенок». Смешно!

Требовалась срочно настоящая кличка, да такая, чтобы подходила к нему. И она появилась.. Вот как это произошло.

Увидал как-то Вовка у казармы солдат и направился к ним. Солдаты всегда встречали его радушно. Так было и на этот раз. Сержант Куликов заметил его и подал команду:

— Смирно! Служивый идёт? Здравия желаем, товарищ рядовой Вовка Ключев! Как служба? Как жизнь?

— Не знаю!.. Мама говорит, чтобы я нашёл себе дело, а я всё не нахожу...

— Я бы на твоём месте занялся рыбалкой. Надёргашь окуньков с плотиками — вот и ушица будет, — посоветовал Куликов.

— Кабы с тобой да с плота... — вздохнул Вовка.

— Я бы и сам с превеликим удовольствием, да служба, брат, не позволяет... — развёл руками сержант. — Придётся тебе до перволёдка потерпеть, немного осталось, уже по утрам лужи затягивать стало... Вот тогда отведём душу... Смотри! Вестовой за тобой бежит. Наверное, мамка его послала.

Вовка обернулся — от дома по тропинке к казарме ковылял его щенок. Свернуть в сторону он никак не мог — по бокам тропинки были лужи. Но Вовке казалось другое.

— Смотрите! Смотрите!.. Он взял мой след! Он бежит по моему следу!

— Бежит? А по-моему, не бежит, а просто катится... Свалился небось с крыльца и покатился, как колобок в той сказке... — засмеялся связист солдат Ершов. — Вовка, кличку придумал?

— Не придумал ещё...

— Вот и назови его Колобком... Вполне подходя-

щая кличка. Как вы, товарищ сержант, одобряете? — спросил Ершов.

Сержант не согласился.

— Не совсем... Это он сейчас колобок, пока ходит в щенячем звании, а когда собакой станет? Может, он самого Хмурого перерастёт, а кличка у него будет Колобок... Вот ежели его Вестовым окрестить...

— Вестовой! Вестовой! Ко мне! — решил попробовать новую кличку Вовка.

Щенок на секунду приостановился, прислушался и покатился ещё быстрее на голос Вовки.

— Он уже знает свою кличку! Вестовой! Вестовой!.. — обрадовался Вовка.

Вот так щенок стал Вестовым. Он быстро привык к своей кличке и целыми днями бегал за Вовкой по двору заставы. Вовка играл с ним, но не мог же щенок заменить ему Светку. Одно осталось утешение — рыбалка. Да только и она была вроде как не настоящая. Вот если бы порыбалить так, как рыбалит Куликов!

— Знаешь что, Вестовой, — завёл как-то разговор Вовка. — Когда ты ещё не выродился, у Куликова была лодка. Знаешь, какая большая? Как вон отсюда и дотуда! Вот какая... С вёслами и с якорем. Куликов брал и меня на рыбалку. Мы отплывали от берега, и сержант бросал якорь. Без якоря нельзя. Там течение. Утащить может... Зато рыба там такая, какой ты сроду не видел. Это тебе не окуньки с мизинчик, не плотица. Там кумжа ловится. Ты знаешь, какая бывает кумжа? Ничегошеньки ты не знаешь, хоть и вертишь хвостом... Во какая там ловится кумжа! Чуть не с меня ростом... А потом лодку деревом разбило. Тогда Куликов из этого дерева сделал плот и с него теперь рыбу ловит. Только меня он на плот не берёт. Жалко ему...

— Да не жалко мне, пойми ты, Вовка, — сказал подошедший сержант. — Это же плот, а не лодка. Что

я стану делать, если плот сорвётся с якоря? Тут на вёсла не сядешь, к берегу не подплывёшь. Уволочёт в реку из озера, а там сам небось знаешь, какой водопад ревёт. Если в него плот угодит — одни щепки останутся... Сам-то я, при нужде, сигану в воду и выплыву, а с тобой что делать?.. Ты уж лучше с берега лови, а когда новую лодку построим, тогда и порыбалим всласть... Вон у дедушки Матвея уже доски для неё сушатся и весь набор...

Вовка слушал сержанта, кивал в знак согласия, а про себя думал:

«И ничегошеньки со мной не случилось бы... Я бы сам при нужде в воду сиганул. Плот ещё крепче лодки, вон какие у него толстые брёвна. На такой плот хоть какое дерево падай, он не разобьётся... Они потому меня на плот не пускают, что всё принимают за маленького. А я вот сам возьму и поплыву на плоту. И такой кумжи натаскаю, что они и не поверят даже...»

— Ладно, ладно, Вестовой, не скули, тебя тоже возьму. Я не такой жадный, как Куликов... Наловим кумжи и отошлём Светке в интернат. А то небось у этого интерната и рыбы никогда не бывает... Пойдём червей копать...

Глупый щенок охотно побежал за ним, помахивая хвостом.

Если бы на заставе была Светка да пронюхала бы про Вовкины намерения, то между ней и Вовкой мог бы произойти разговорчик. Копая червей за конюшней, Вовка представил себе такой разговор со Светкой:

— Знаешь, Вестовой, что бы Светка сказала? «Вовка! Не смей лезть на плот! Если полезешь, так Куликов тебя потом и близко к плоту не подпустит... И на новую лодку никогдашеньки брать не будет...» Вот бы что она сказала... А я бы ей: «И пусть не берёт! Я сам себе плот сколочу или попрошу дедушку

Матвея, и он мне тоже лодку сделает...» А Светка бы стала меня водопадом пугать: «Ты знаешь, что будет, если тебя понесёт к водопаду?» А я бы ей: «Знаю! Не учи учёного... Сигану в воду и поплыву к берегу...»

Говорить-то Вовка говорил, что «сиганёт» с плота и поплывёт к берегу, но сам в это не очень верил: ведь плавать он умел пока только тогда, когда у него ноги доставали дно. Ну, а если попробовать для начала немножечко отплыть от берега? Отплыть, сбросить камень в воду и ловить?..

Накопал Вовка полбанки червей и пошёл к плоту. По дороге опять встретил Куликова.

— Что, Вовка, червей заготовлял? — спросил сержант. — Добро... Сегодня хоть и холодновато, но клёв должен быть хорошим... Дай-ка я тебе поплавок переставлю, чтобы ты мог с глубины ловить. Может, что и покрупнее попадётся. Не вздумай только на плот лезть! Я наведуясь... Вперёд, Хмурый!

Вовка для виду половил у бережка, потом, крадучись, взобрался на плот. Позвал щенка.

...Думаешь, что получится так, а оно получается совсем по-иному. Отвязать плот было не трудно, труднее было оттолкнуть его шестом от берега. А дальше всё пошло совсем не так, как задумал Вовка: оттолкнуть он оттолкнулся, а вытащить из вязкого ила шест не хватило силёнок. Шест остался торчать у самого берега, а плот медленно поплыл на середину, туда, где через озеро проходило течение.

Вовка схватился за камень и сам точно окаменел. А плот всё плыл и плыл к середине озера.

Страшно подумать, чем бы всё это могло кончиться, если бы Вовкина мама случайно не взглянула в окно. Она только что сняла с плиты закипевшее молоко и собиралась поставить кастрюлю на подоконник. Взглянула в окно и обмерла...

— О! Люди добрые! Да что же это? Вовка! Вовочка! Мальчик мой! На помощь! Помогите!..

Наверно, Марии Семёновне казалось, что она кричит на всю заставу, но никто её не слышал: у неё перехватило дыхание. Так с кастрюлей она и выскочила на крыльцо. Тут кастрюля выскользнула из её рук и с грохотом покатилась по ступенькам. Мария Семёновна продолжала хватать воздух широко открытым ртом и всё не могла произнести ни слова...

Вышел в это время из-за угла казармы сержант Куликов с Хмурым на поводке и с автоматом на груди, увидел жену командира, разлитое молоко...

— Что с вами, Мария Семёновна? Молоко пролило? Не велика беда... — сказал он.

— Нет... Нет... Вовка... Вон, на плоту... — еле говорила Мария Семёновна.

— Вот, пострел, что удумал! Ах ты неслух! Говорил же ему! — рассердился сержант. — Вот что, Мария Семёновна, быстро за мной. Только без паники... Он и так небось с перепугу ни жив ни мёртв. Быстрее... Вот стойте здесь и машите Вовке рукой... Сейчас мы его выудим! Часовой! Вызови наряд...

Выскочив на мостки, Куликов весело крикнул:

— Вовка! Ты куда это подался? За кумжей? Так дальше заплывать не надо!.. Становись на якорь и начинай ловить! Место как раз хорошее. Только ты ляг на плот и столкни камень, а то не осилишь. А раньше сбрось верёвку, чтобы не мешала.

Спокойный голос сержанта привёл Вовку в себя. Растянувшись на плоту, он стал толкать тяжёлый камень в воду и сделал бы это быстрее, если бы не мешал Вестовой. Он скулил, тявкал на воду и всё норовил взобраться к Вовке на руки.

— Торопись, Вовка, а то проплывёшь самое хорошее место! — кричал с берега сержант.

— Я и так тороплюсь... Только мне Вестовой мешает... — ответил с озера Вовка.

Куликов попросил Марию Семёновну позвать щенка.

— Вестовой! Сиди смирно! Не мешай Вове! — крикнула Мария Семёновна.

Вестовой, сев на задние лапы, стал отыскивать глазами свою хозяйку. Вовка поднатужился хорошенько, и камень наконец плюхнулся в воду, обдав тучей брызг и Вовку и Вестового. Но на этом купание Вестового не закончилось; не успел он отряхнуть с шёрстки брызги, как очутился в воде: плот так резко остановился, что щенок не удержался на нём. Течение подхватило его и понесло.

— Вестовой, Вестовой! Ко мне! — закричал Вовка.

Удивительное дело, никто Вестового не обучал плаванию, воды он терпеть не мог, а тут так заработал всеми четырьмя лапами, что уже через минуту справился с течением, а потом подплыл к плоту и стал карабкаться на него. Вовка протянул руку, ухватил щенка за загривок и выволок на плот. Вестовой стал с таким усердием отряхиваться, что чуть было снова не полетел в воду.

А на берегу все облегчённо вздохнули. Куликов принялся торопливо раздеваться.

— Ну, полдела сделано! — шутил он. — Хмурый, сидеть! Сейчас я, Мария Семёновна, постараюсь доставить рядового Вовку Ключева на берег для дальнейшего прохождения службы... Вовка! Плыву к тебе... А ты не теряй времени, лови...

Вовка нацепил на крючок самого толстого червя и забросил удочку. Он совсем успокоился — никто его не ругал, значит, всё в порядке. А то, что Куликову надо было лезть в ледяную воду, его несколько не беспокоило. Он верил, что Куликов всё может и ему всё нипочём. Он смотрел теперь только на поплавок и не видел, как сержант разделся, как влез в воду, как выдернул из берегового ила шест и поплыл к плоту. Правда, услышав плеск, Вовка хотел было обернуться, но в это время красная головка поплавка

слегка подпрыгнула над водой и тут же поплавок исчез в глубине. Вовка резко поднял удилище, думая выхватить рыбу из воды, но не тут-то было! Рыба не только не вылетала на плот, а изо всех сил стала вырывать удилище из Вовкиных рук. Вот тут Вовка испугался по-настоящему и заорал на всю округу:

— Куликов! Скорее, Куликов! Она отнимает у меня удочку!

— Держи, держи её, Вовка! Я уже рядом! — кричал сержант. — Ну вот, я уже на плоту... Ух! Как огнём жжёт! Спортивная водичка, для закалки солдатской в самый раз... Давай-ка удочку, а сам возьми Вестового да прикрой его полой, а то он совсем, бедолага, закоцуб.

Стоило Куликову взять в руки удилище, как он сразу понял, что попалась очень крупная рыбина. Её даже ото дна трудно было оторвать.

— Ого! Экземплярчик попался! Кажется, я вовремя подоспел. Утащила бы она тебя, Вовка, в своё царство-государство, под какой-нибудь камень, вот тогда бы ты знал, как своевольничать... Но от нас она не уйдёт, уже начинает уставать... Сейчас мы её, красавицу, на плот пригласим к нам, в гости... Ух ты! Не сойти мне с этого места, если она меньше пяти кило... В жизни такой не выуживал... Ай да Вовка! Ай да рыбачок!..

— Ай да я! Ай да рыбачок! А ты меня всё окуньков одних ловить заставляешь... — стал хвастаться Вовка.

— Ладно, ладно! Признаю — рыбац ты везучий... Второй срок я на заставе служу, а такой ещё не встречал...

— А я сейчас ещё крупнее поймаю... Вот увидишь! — расхрабрился Вовка.

Но Куликов сказал:

— Нет уж, Вовка... Хватит и этой... Надо нам во-

свои перебираться, а то после купания холодновато... Ты вон как одет, а я в одних мокрых трусиках. Ну-ка, попробуем, что здесь за глубина!

Сержант взял шест и попробовал достать дно. Но шест весь ушёл в воду, а до дна так Куликов и не достал.

— Поганые наши дела, Вовка,—посерьёзnel Куликов.—Как мы теперь до берега доберёмся?

В это время с берега донёлся крик связиста Ершова:

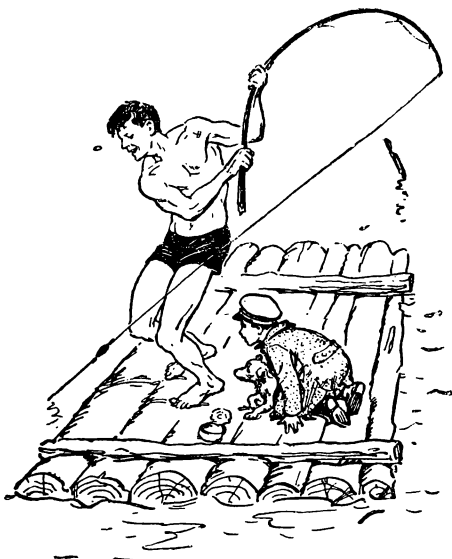
— Товарищ сержант! Сейчас я приплыву к вам с концом телефонного кабеля... Уже раздеваюсь...

— Отставить заплыв! — крикнул Куликов.— Найдётся пловец лучше! Прикрепите конец провода к поводку Хмурого и давайте побольше слабину... Хмурый! Сидеть!.. Прикрепили?

— Так точно! Готово! — ответил Ершов.

— Хмурый! Ко мне! — подал команду сержант.

Хмурому никогда не надо было повторять приказание. И сейчас умный пёс понимал, в какую беду попали его хозяин и Вовка. Не раздумывая, он бросился в воду. Не прошло и трёх минут, как Хмурый был уже на плоту вместе с концом телефонного провода. Дальше всё делалось быстро, но без суеты, по-солдатски. Сержант прикрепил провод морским узлом к плоту, вытащил камень-якорь, и солдаты подтолкнули плот к берегу.

Рыболов наш сразу угодил к матери на руки. Мария Семёновна, плача и целуя Вовку, говорила:

— Вот подожди, неслух! Вернётся отец на заставу и поговорит с тобой как следует...

— Как мужчина с женщиной? По душам?..

— Ну, если с перепугу душа у тебя будет находиться всё ещё пониже спины, то по душам... Заставил сержанта в ледяную воду лезть!..

— Ничего! Солдату это только на пользу... Для закалки... Вы уж не очень с ним строго поступайте: как-никак он теперь чемпион заставы! Небось и отец его такой никогда не лавливал!

— Везёт людям...— засмеялся Ершов.— Из такой рыбыны можно чучело для музея сделать. Что же ты, Вова, собираешься с кумжей делать? Уху прикажешь сварить или зажарить?

Вовка наморщил лоб и стал соображать. И хотя он знал, что рыбаина такой величины особенно хороша на вкус, решил пожертвовать добычу для науки.

— Ладно... Берите в музей... Мне не жалко. Я ещё крупнее когда-нибудь поймаю...

— Правильно! Я сам из неё чучело сделаю,— пообещал Куликов.— А вздыхаешь ты, Вовка, зря: чучело-то из шкуры делается, а мясо можно и в ухе использовать и котлет нажарить, а то и пельменей настряпать. Ну, а под чучелом мы обязательно такую табличку повесим: «Кумжа весом в пять килограммов, поймана рядовым Ключевым с риском для жизни». Пойдёт так?

— Пойдёт! — согласился Вовка.

НАКОНЕЦ-ТО НАРУШИТЕЛЬ!

На этот раз отец рассердился не на шутку:

— Что же это такое? Сам говоришь, что не маленький уже, а поступаешь, как несмышлёныш ка-

кой-то... Тебе в школу скоро, а ты соображать ещё как следует не умеешь. Как же тебя можно в интернат отправить? Ты же там такое натворишь, что нам с матерью краснеть придётся...

— Там Светка...— сказал Вовка.

Но отец ещё больше рассердился:

— Значит, тебе нянька нужна? Ясно. Вот что, мать, придётся тебе на поводке его водить, чтобы он ещё какой-нибудь фокус не выкинул. Удочки я забираю в чулан — и никаких рыбалок! К озеру подходить запрещаю...

— Совсем-совсем теперь нельзя мне рыбу ловить?

— Пока не поумнеешь, никакой рыбалки не будет,— сказал отец и ушёл в казарму.

— Ну как? Поговорили по душам? — спросила мама.

— Поговорили...— еле слышно ответил Вовка.— Как мужчина с женщиной... Только, вот он увидит, я сразу же поумнею...

— Посмотрим...— сказала мама.— Иди во двор, но помни, что отец говорил... А то ведь он может и... берёзовой кашей тебя попотчевать.

Целый день Вовка ломал голову: что это за каша такая — берёзовая? Решил спросить у Ивана Ивановича. Кто-кто, а повар должен про каши знать всё.

— Иван Иванович, ты когда-нибудь потчевал солдат берёзовой кашей? — спросил Вовка.

Услыхав это, Иван Иванович чуть поварёшку не выронил.

— А за что же я их буду такой кашей потчевать? Чай, они не заслужили. Дело своё знают, дисциплину соблюдают, как солдатам положено...

— А она что, невкусная?

— Да. И горькая и горячая... Не советую и тебе пробовать. Ежели желаешь, могу показать. Есть у меня свеженькая.

Иван Иванович пошёл в угол и принёс оттуда новый... берёзовый веник. Вовка посмотрел на веник и легонечко отошёл от повара.

— Да ты не бойся...— усмехнулся Иван Иванович.— Пока это не берёзовая каша, а просто веник. Но из него можно сделать кашу, если кто заслужит. Я уверен, что ты больше не станешь на эту кашу напрашиваться...

— Не стану,— сразу же согласился Вовка.— Я теперь начну умнеть...

— Красота! Уже заметно, что ты умнеть начал! Ладно, бог с ней, с кашей с этой, перейдём сразу к третьему,— развеселился повар, налил в стакан клюквенного киселя и поставил на стол перед Вовкой.— Сними пробу... Как?

Вовка отхлебнул глоток, второй, провёл языком по губам и поднял большой палец: это значило, что кисель из свежей клюквы, уже тронутый морозцем, получился на славу.

Только тогда, когда первые крепкие морозы сковали озеро, а первый снег запорошил и двор и поляну перед заставой, получил Вовка полную свободу. Теперь он мог сколько угодно кататься на санках, которые смастерил ему дедушка Матвей, и ходить на лыжах его же работы. На лыжах хорошо было ходить по поляне и по двору, а лучше всего по озеру. Падать на ровном месте всё же удобнее, чем во дворе заставы, где тебя всюду подстерегают углы и выступы. На лыжи Вовка встал впервые в жизни — в Армавире не очень-то находишься на лыжах, да ещё в мало-снежные зимы.

А вот санки для Вовки не новинка; на санках он катался даже по своей улице Ефремова, прямо от калитки собственного дома, если даже снегу чуть-чуть выпадало. А на заставе просто раздолье. Поляна перед воротами сначала полого, а потом всё круче спускалась к озеру, и когда Вовка проложил первый

санный след по склону, а потом вылетел на озёрную гладь, то катился по озеру долго-долго, пока санки не остановились...

Казалось бы: катайся в своё удовольствие хоть целыми днями. В первый день Вовка летал с горки часа два, а на второй день и полчаса не катался... Он вдруг сделал открытие, что удовольствие от катания на санках получается вовсе не от того, что санки с горки несутся и ты себя птицей чувствуешь, а от того, что ты не один катаешься. Не один! Вот когда кто-то смотрит, как ты лихо управляешь своими санками, или ты сам смотришь, как дружки твои, а то и незнакомые ребята показывают свою удаль, выкидывают разные коленца, тогда вот и забываешь про всё на свете, тогда вот и приходится мамам и бабушкам силой загонять катальщиков домой. Тогда вот и получается удовольствие от катания...

И вспомнилась Вовке одна армавирская история. Сделал ему двоюродный Коля первые в его жизни санки, сам раскатал для него горку у калитки и сказал:

— Катайся в своё удовольствие, а мне надо уроки делать.

Не успел Вовка несколько раз скатиться с горки, как стали появляться соседские ребята. Кто с санками, а кто просто так. Пришёл и Сенька-тюбетейка, с ним Вовка тогда ещё не дружил и даже не разговаривал ещё.

— Это не ваша горка! — крикнул ребятам Вовка. — Уходите, а то я Коле пожалуюсь...

Обозвали его тогда ребята жадиной-говядиной и разошлись. А Сенька-тюбетейка сплюнул презрительно и сказал:

— Лады! Катайся один со своей горки! Катайся, катайся, но смотри, у нашего двора мне не попадётся!

Прокатился Вовка раз, прокатился два, три, четы-

ре... А потом взял санки и пошёл домой. Неинтересно стало кататься. Ему уже хотелось, чтобы кто-нибудь из ребят пришёл на горку, но никто не пришёл. А Сенька свою горку раскатал, созвал ребят, и пошла у них потеха: и крик, и смех, и куча мала... А Вовка за забором стоял да в щёлочку на ребят смотрел: знал, что ему на Сенькину горку дорога заказана...

Вот если бы все армавирские ребята вдруг очутились здесь, на заставе! Да он бы для них каждый день горки раскатывал. Вестовой носился за ним сломя голову, лаял от всей щенячьей души, но всё же не мог заменить Вовке никого из ребят, а тем более Светку.

— Тоже, сидит там в своём интернате! — ворчал Вовка. — Ну чего сидеть, спрашивается? Выучилась палочки писать да кружочки с закорючками, и хватит, пора домой... Сама знает, как мне тут одному человеку детей...

Одна осталась у Вовки отдушина: рыбалка. По первому льду чуть ли не каждый день ходил Вовка на озеро. День хоть и стал с воробьиный нос, но рыба так хорошо ловилась, что и за короткое время Вовка успевал столько надёргать окуней, щурят, кумжи, что улов приходилось увозить домой на санках. Рыба тут же у лунок замерзала так, что, когда её ссыпали в мешок, она стучала, как орехи. Такую рыбу можно было хранить в сарае до самой весны. И солдаты не теряли свободного времени — пополняли кладовые Ивана Ивановича мороженой рыбой.

Только длилось это недолго, пришла настоящая заполярная зима с трескучими морозами, выюгами и непролазными сугробами, и хорошая рыбалка закончилась. Теперь солдаты, отправляясь в наряд, выстраивались перед казармой не только с оружием, но и с лыжами. И одеты они были по-заполярному: валенки, полушубки, шапки-ушанки, а поверх всего

белые маскировочные халаты. Без халата только часовой под грибом.

Если бы не было снега, то, наверно, вокруг стояла бы крошечная тьма, такая, какой видел её Вовка в Армавире, когда ходил по двору с закрытыми глазами по требованию своего дружка Сеньки-тюбетейки.

Говоря по-честному, Вовка стал забывать его, гораздо чаще вспоминалась Светка. Но ведь это так всегда бывает, и винить Вовку не стоит. Совсем он Сеньку не забыл и обещание своё дружить с ним «думом» не забывал, письма рисовать продолжал, но рисовал их реже.

Да что он мог нарисовать, когда один день был похож на другой, как правый лыжный след на левый? С приходом зимы день пропал, точно вымерз, как вода в ручье. По старой памяти Вовка приходил к Светке, даже в её куклы пробовал играть, но без хозяйки игры не получалось, получалась только порча игрушек, чего Светкина мама не любила.

Выучил Вовка наизусть все книжки-картинки, которые были у него и у Светки, разобрал «по косточкам» все свои автомобили и теперь решительно не знал, чем ему заняться...

Только и оставалось, что ходить в красный уголок, смотреть картинки в журналах, фотографии в газетах. Да ещё слушать, как играет Иван Иванович на баяне, а солдаты поют под его музыку.

Вовка тоже пел вместе с солдатами. Иван Иванович несколько раз говорил командиру, что у его сына отличный слух.

— Если бы ему было под силу с баяном справиться, я бы из него во какого музыканта сделал! — говорил повар.

Он даже давал Вовке нажимать на перламутровые пуговицы своего баяна, и не просто так, как попало, а пел какую-нибудь ноту и заставлял Вовку найти нужную пуговку на правой стороне инстру-

мента. Сначала у Вовки ничего не получалось, но скоро он стал безошибочно и быстро находить нужную ноту. Потом они менялись: Иван Иванович нажимал на пуговики, а Вовка должен был голосом повторить ноту. Тут Вовка почти никогда не ошибался и очень быстро разучил всю гамму от «до» до «си» и вверх, и вниз, и вразбивку.

— Слышите, товарищ старший лейтенант? — ликовал баянист. — Да он же музыкант прирождённый!

— Просто удивительно... — смеялся отец. — Вроде не в кого было ему музыкантом быть... Хотя что же я говорю? А батя мой, дед его Павел Макарьевич, он же отличный певец. Тенор такой, что в наше время он бы консерваторию окончил и, может быть, таким же, как Козловский или Лемешев, стал...

Вовке казались праздниками те дни, когда на заставу приезжала из отряда кинопередвижка. В такие дни Вовка по сорок раз наведывался к сержанту Степанову. Степанов, кроме того что был инструктором физкультуры, считался и главным механиком на заставе. В его ведении находился движок, от которого тянулись провода ко всем лампочкам в казармах и в квартирах, во всех подсобных помещениях и во дворе. Электростанция помещалась в самом углу двора, за складами, в отдельной избёнке. Летом Степанов запускал движок только ради кино, а зимой движок тарахтел большую часть суток. Останавливал его Степанов лишь тогда, когда наряды уходили на границу, а все свободные ложились спать.

Но в шесть часов утра движок уже снова работал, в казарме и в комнате дежурного тушили керосиновые лампы, вспыхивал электрический свет в кухне, и Иван Иванович вместе с дежурными помощниками начинал колдовать над плитой и котлами с кастрюльками. Помощники чистили картошку, разделявали мясо, рыбу, месили тесто... А Степанов уже строил солдат на утреннюю зарядку.

Вот к этому сержанту Степанову и бегал Вовка по сорок раз на день.

— Товарищ сержант, а движок не сломается во время кино? — спрашивал Вовка.

— Не извольте волноваться, товарищ Вовка! Движок работает как часы... Хоть, конечно, бывает, что и часы останавливаются.

— А свеча не будет барахлить? — всё не унимался Вовка.

А беспокоился он потому, что однажды, без Степанова (он был в наряде), неожиданно привезли неплановую картину «Чапаев». И в тот самый момент, когда беляки шли в «психическую атаку», во весь рост, с папиросками в зубах, движок остановился и экран погас. И сколько солдат, помощник Степанова, ни крутил заводную ручку, движок не заводился. Пришлось Вовкиному отцу самому пойти на электростанцию. Он тоже разбирался в механике и даже водительские права имел. Оказалось, что в движке барахлила какая-то свеча...

...Но кинофильмы привозили один раз в неделю, а во все остальные дни прослушивал Вовка с утра детские передачи по радио, а потом и деть себя не знал куда. Хорошо, если на заставу приходили старики и забирали его на два-три дня в гости на заимку...

А в середине зимы совсем было заскучал Вовка, но тут начались разные странности: солдат-почтальон принёс на заставу посылку, большую посылку, гораздо больше тех, что приходили из Армавира и из Москвы раньше. И адресована посылка была не кому-нибудь, а самому рядовому Вовке Ключеву. Да, так было и написано на московской посылке: «Получить рядовому Владимиру Борисовичу Ключеву».

Удивило Вовку только одно: посылка была большая, а весила очень мало. Он её сам свободно донёс домой из казармы. Ему не терпелось поскорее сорвать

сургучные печати и распаковать посылку, но мама не разрешила и заперла её в шкаф.

— Это такая посылка, что её не положено сейчас вскрывать... — сказала мама.

— А когда же? — расстроился Вовка.

— На то будет дана особая команда... — опять загадочно ответила мама.

Сержант Куликов, стоило Вовке обратиться к нему по всей форме, нельзя ли сходить на озеро за кумжей, ответил так:

— Что ты! Что ты, товарищ Вовка! Какая может быть кумжа, когда вся застава начеку! — и добавил шёпотом: — Нарушение границы намечается...

У Вовки в груди что-то вроде пискнуло: наверно, сердце. И дыхание перехватило. И, кажется, глаза стали вдвое больше.

— Ясно? — шёпотом спросил сержант.

— Ясно... — прошептал в ответ Вовка и очень пожалел, что рядом нет ни Светки, ни Сеньки-тюбетейки: некому намекнуть, что он знает военную тайну. И он помчался домой рисовать письмо в Армавир и в интернат.

С приходом зимы Вовка стал усиленно налегать на тёмные краски. Небо рисовал тёмно-серой, дома почти чёрной. В домах только окна светились жёлтым светом. Тёмными были силуэты солдат, если они были без маскировочных белых халатов. Даже вечнозелёные сосны и ели выглядели почти чёрными, белыми оставались только стволы берёз...

Зимой не надо было вспахивать и бороться контрольно-следовую полосу, всё равно её засыпает снегом. Да и какие следы могут остаться на мёрзлой земле! Зато на снежной полосе, особенно при тихой погоде, после пороши, видны были даже птичьи следы. Летом солдаты-пограничники ходили вдоль полосы пешком, осматривая каждый её метр, а зимой катили вдоль КСП на лыжах и приглядывались к каж-

дой царапине на снегу, ко всем бугоркам и вмятинам.

На первой картине Вовка нарисовал, как на фоне тёмного леса скользят на лыжах пограничники в белых маскировочных халатах. Это означало, что застава поднята в ружьё, что на заставе тревога, дозорные обнаружили следы нарушителя. Впереди всех сержант Куликов, в этом можно было не сомневаться: у него на сворке был огромный зверь — Хмурый!

На второй картинке Вовка нарисовал человека в фашистской форме, ноги у него были обуты вроде как в валенки. Так Вовка изобразил искусственные медвежьи лапы. А на этого зверя-человека наседали Хмурый и рвал на нём штаны. Два пограничника стояли по бокам нарушителя, направив на него автоматы... Эти письма были для Сеньки, Светку такими картинками разве удивишь? Для Светки была нарисована загадочная посылка, не дававшая Вовке покоя. Вовка столько налепил на неё сургучных печатей, что самой посылки и не видать.

Видно, дело с нарушителем принимало серьёзный оборот: на другой день, после того как Вовка узнал о нарушителе, его не пустили в красный уголок посмотреть картинки в журналах. Пошёл к Светкиной маме, она тоже не пустила.

— Не обижайся, Вовчик, но сегодня нельзя... — сказала Клавдия Петровна. — Завтра приходи хоть на целый день. И завтра приходи, и послезавтра, и хоть совсем потом перебирайся к нам жить, а сегодня нельзя. Видишь, я полы мою, стряпаю...

Расстроенный, пришёл Вовка домой и, когда почувствовал, что его вот-вот отправят в постель, потребовал, чтобы открыли посылку. И тут выяснилось, что посылка пропала! Да, пропала! В шкафу её не было!..

— Ой, мама! Я знаю, кто взял посылку! — заволовновался Вовка. — Это нарушитель... Надо сказать

Куликову: он сейчас же пустит Хмурого по следу, Хмурый его сразу догонит...

— Правильно! — сказала мама. — Ты молодец... Сейчас мы пойдём в казарму и всё расскажем сержанту. Давай только приоденемся для такого важного дела. Чтобы всё было по форме, чин по чину...

А дальше всё было как в сказке!

Увидав в коридоре отца (он почему-то был в парадной форме), Вовка крикнул:

— Папа! Посылка пропала!

— Нашлась уже твоя посылка, — спокойно ответил отец, взял Вовку за руку и повёл в красный угол. — Вот смотри, что было в твоей посылке!

Вовка даже остановился от неожиданности: посредине комнаты стояла новогодняя разукрашенная ёлка! А вокруг солдаты, одетые по-праздничному.

У стены сидели почётные гости: дедушка Матвей Спиридонович, бабушка Марфа и Светкина мама. Вовкина мама тоже села рядом с Клавдией Петровной. Вовка хотел было пойти за мамой, но тут Иван Иванович растянул меха баяна и заиграл марш.

И вдруг из-за ёлки выскочила Снегурочка и звонко крикнула:

— С Новым годом! С новым счастьем!

— Светка! — крикнул Вовка и бросился ко второму человеку детей на заставе.

Так начался у пограничников новогодний праздник. Были и песни и танцы. Вовка со Светкой пропели под баян «В лесу родилась ёлочка», прочитали стихи, кто какие знал, а Иван Иванович под собственный аккомпанемент спел песню о пограничниках, которую сам сочинил. И слова сам написал и музыку. А припев подхватили все солдаты и даже сам командир заставы. Вовка никогда бы не подумал, что папин заместитель, которого он немножко побаивался, вдруг на ёлке так лихо спляшет «яблочко».

После самодеятельного концерта все перешли

в столовую. Тут уже был накрыт праздничный стол с пирогами и даже большим тортом. Иван Иванович постарался для праздника. Был и медовый квас, и брусничная вода лилась рекой, а два медвежьих окорока понравились всем от мала до велика. Это от бабушки Марфы и дедушки Матвея Спиридоновича.

Но Вовка всё равно не забыл про нарушителя и, как только вылез из-за стола, подбежал к сержанту.

— Поймали? — тихонько спросил он.

— Нет... — ответил Куликов. — Решили не задерживать. Он нам свою службу сослужил... Пускай идёт на запад.

У Вовки глаза округлились от удивления, это было просто невероятно, чтобы на заставе, вот так просто, решили пропустить нарушителя через границу!

— А ты знаешь, кто он, нарушитель-то? — рассмеялся сержант. — Старый год! Ясно?

В новогодний вечер Вовка подумал, что Светка уже прошла все науки в школе и навсегда вернулась на заставу, однако утром он узнал, что это совсем не так.

— Нас распустили на зимние каникулы, — сказала Светка. — Ты знаешь, как это хорошо, что бывают каникулы? Целых десять дней можно ничегошеньки не делать. Можно спать куда хочешь, играть во что хочешь и когда хочешь, ходить куда твоя душенька желает.. А когда не каникулы, так каж-

дый день надо в школу ходить. Только по воскресеньям мы не учимся.

— А у вас часто бывают воскресенья? — не подумав, спросил Вовка.

— Здравствуйте пожалуйста! — усмехнулась Светка. — Ты что думаешь, у нас в школе свои воскресенья бывают? Они везде одинаковые. Учусь я в первом «А», ещё в школе есть первый «Б»...

— А в каком лучше учиться?

— Одинаково...

— Кабы одинаково, так и назывались бы они одинаково... — не согласился Вовка.

— А я тебе говорю, одинаково! — рассердилась Светка. — Просто нас, первоклашек, очень много, и в одном классе мы не помещаемся. Вот уроки в интернате мы все вместе делаем. Приходим в комнату для занятий и делаем уроки... А едим в столовке... Ещё есть у нас красный уголок. После ужина я хожу в красный уголок и разные танцы в самодеятельности танцую. А ещё стихи декламирую...

— Как это — декламируешь?

— С выражением... Хочешь, продекламирую?

— Хочу, — сказал Вовка и приготовился слушать.

Светка отошла к стене, одёрнула лыжный костюм, опустила руки по швам и, вдруг окаменев, стала нараспев читать:

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой...

Вовка вскочил со стула и, обгоняя Светку, стал выкрикивать:

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугрөб.

Ну что? Я тоже умею декламировать! Ещё быстрее тебя умею!

Светка усмехнулась снисходительно и сказала:

— Ничегошеньки ты не умеешь, Вовка! Тараторить ты умеешь, а не декламировать... Я же тебе показываю, как надо декламировать с выражением, а ты тра-та-та-та... Так каждый сумеет: запомнит наизусть стихотворение и будет тарыхтеть, как пулемёт...

Вовка слушал Светку, смотрел на неё и как будто не узнавал. Какая-то другая была перед ним Светка, хотя не виделись они всего несколько месяцев. Теперь у неё есть учительница, и Светка то и дело вспоминает её: «А Нина Петровна и говорит...» или: «Тут Нина Петровна как возьмёт журнал да как влепит Серёжке двойку по поведению...» И Людка — подружка у Светки завелась. «Мы с Людкой... Нас с Людкой...» — только и слышит Вовка.

«Ну и целуйся со своей Людкой!» — хотелось крикнуть Вовке, но он сдерживался, чтобы Светка нос не задрала и не догадалась, что ему больно оттого, что она дружит теперь с кем-то другим, хоть и с девчонкой. Новая школьная жизнь так захватила Светку, что она, вместо того чтобы спать куда хочешь, идти куда душенька желает, решила на время каникул открыть на заставе начальную школу с одним-единственным учеником и одним-единственным учителем. Учителем, конечно, была она, Светлана Николаевна, а единственным учеником был Ключев. Не Вовка, и не рядовой Вовка Ключев, а просто Ключев.

— Ключев! Тебе что, отдельное приглашение посылать? Ты слышал звонок? Иди в класс...

Вовка кончал «перемену», покорно шёл в «класс», садился за «парту» и ждал, когда появится «учительница». Светлана Николаевна входила в «класс» с «журналом» под мышкой, и Вовка вскакивал со

стула, как солдат в казарме при появлении командира.

— Здравствуйте, дети! — говорила Светлана Николаевна.

— Здрррра!.. — по-солдатски отвечал Вовка.

— Садитесь, дети! — говорила Светлана Николаевна. — Начнём урок. Сегодня мы будем проходить палочки и кружочки...

— Не хочу палочки и кружочки! — уже на втором уроке протестовал Вовка. — Мы уже проходили палочки и кружочки... Я хочу научиться письма писать...

— Здравствуйте пожалуйста! — возмущалась уже не Светлана Николаевна, а просто Светка. — Письмо ему захотелось сразу научиться писать! Так не полагается. Полагается сначала палочки и кружочки... Мы их знаешь сколько переписали? Воз, воз и маленькую тележку! Без палочек ты ничегошеньки не напишешь. Вот попробуй напиши букву «А»...

— Подумаешь... И напишу... — Вовка схватил карандаш и написал большими печатными буквами: «МАМА».

Светка удивилась.

— «МЫ и А, МЫ и 'А», — читал Вовка. — А всё вместе знаешь как будет? МАМА! Вот... Я могу и ПАПА написать и ВОВА... А Куликова ещё не могу написать... Пойдём лучше на санках кататься.

На этом школа кончилась и начались настоящие зимние каникулы.

Погода стояла как на заказ, безветренная, с небольшим морозцем. Правда, в конце недели мороз окрепчал, но зато ребятам был выдан совсем необычный подарок: вечером, когда их уже звали домой, ясное небо на севере вдруг расцвело шёлковыми лентами сполохов.

— Смотри! Смотри, что на небе делается! — закричал Вовка.

— Северное сияние это... Пойдём нашим скажем... — заторопилась Светка.

Но звать никого не надо было: всё население заставы выскочило во двор, как по тревоге. Многие солдаты из молодых, как и Вовка со Светкой, как и их мамы да и папы, впервые видели северное сияние, все ахали и охали, запрокинув головы.

— Вот даёт! Вот даёт! — чуть не визжал от восторга один из молодых солдат.

— Кто даёт? — спросил его с улыбкой командир. Солдат сначала смутился, но быстро нашёлся:

— Север, товарищ старший лейтенант!

Вовке трепетные ленты сияния показались похожими на цветные разводы на мехах баяна Ивана Ивановича, и он сказал Светке:

— Знаешь, какую я нарисую картину про северное сияние? Я нарисую великанов пограничников ростом аж до неба... И все они будут играть на своих великанских баянах... А белые медведи будут их слушать...

Но для Светки северное сияние было только северным сиянием, и она посмотрела на Вовку, как на больного.

— Куликов! — схватила она за руку сержанта. — Наш Вовка, наверно, заболел... Скажи ему, что это просто северное сияние, а то он про каких-то великанов стал сочинять... Смехота!

Но Куликов и сам всё слышал. Он положил руку на её плечо и сказал:

— Света! А если бы Пушкин был жив да прочитал при тебе свои стихи про буран: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» — ты бы ему тоже сказала — смехота? Буря — не зверь, и выть она не может... И не дитя, чтобы плакать...

— Про Пушкина я бы так не сказала... — потупилась Светка.

— А про Вовку вот сказала... А мне понравилось, как он представляет себе северное сияние... Очень даже образно... А если бы на его картине ещё и невесты великанов в расписных сарафанах водили хороводы, так совсем было бы как у настоящих художников...

— Пусть рисует. Мне-то что...— сказала Светка, притворно вздохнув.

Наверное, великаны и их невесты не могли бесконечно водить небесные хороводы; пронеслось ещё несколько цветистых сполохов, и над головами повисло обычное ночное небо. Все стали расходиться...

Если бы Куликов не поддержал Вовку, может быть, он и не нарисовал бы картины про северное сияние. Но тут уж он решил доказать Светке: не пожалел ни бумаги, ни карандашей. Рисовал он так старательно и с таким увлечением, что мама не стала торопить его в постель, дала закончить картину.

— Это что же у тебя, сказка такая? — спросила она.

— Ага... Про северное сияние...

— Про северное сияние? — удивилась мама и долго смотрела то на картину, то на Вовку.

— Тут пограничники-великаны на баянах играют, а их невесты хороводы пляшут... Вот, видишь? В сарафанах они, невесты...

Маме трудно было согласиться с тем, что невесты водят хороводы в сарафанах: на них были ещё никому не известные одежды, но в рисунке было что-то такое, что под ним можно было поставить подпись: «Северное сияние».

— А эта невеста, выходит, ещё школьница? — спросила мама и показала на одну из девушек, явно одетую по-школьному, да ещё и в красном берете.

— Наверно, школьница... — ответил Вовка и очень смутился.

— А ты знаешь, что Светка завтра уезжает?

— Знаю... Она теперь аж в марте приедет... У них тогда весенние каникулы сделают. Только ты не думай, я теперь за ней не побегу, я теперь уже умный стал... Она же приедет в марте?

— Конечно, приедет... Обязательно! — сказала мама.

Вовка сложил альбом, вздохнул и по-взрослому сказал:

— Ну что ж! Будем ждать...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дорога в будущее	3
К заставе на перекладных . . .	14
Бабушка Марфа и дедушка Матвей Спири- донович	30
Запоздалое письмо	40
Вовка зачисляется в рядовые	44
Рыбак рыбака видит издалека	57
Белые ночи	62
Лето пришло!	68
Почему не ловятся шпионы .	77
А солнце всё ходило по кругу...	88
Полукруглый и четвертькруглый день...	100
Музейная кумжа .	113
Наконец-то нарушитель!	126

Д л я м л а д ш е г о ш к о л ь н о г о в о з р а с т а

Шманкевич Андрей Павлович

ВОВКА — ЗЕЛЁНАЯ ФУРАЖКА

Повесть

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор Е. М. Гуркова. Технический редактор Л. В. Кржижановская. Корректоры Н. М. Кожмякина и С. П. Мосейчук. Сдано в набор 7-VII 1967 г. Подписано к печати 21-IX 1967 г. Формат 60×90 1/16. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. (Уч.-изд. л. 6,59). Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 263. Цена 33 коп. на бум. № 2. Издательство „Детская литература“. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавполиграфпрома Ксмитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 985.

Цена 33 коп.